

Вера Огнева

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ви́раж

Вера Евгеньевна Огнева

Вираз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38979880

SelfPub; 2018

Аннотация

Молодая женщина-врач неожиданно для себя получает наследство, из-за которого ей приходится переехать в другой регион, сменить работу, погрузиться в совершенно новую жизнь. Но трудности, которые она встретила на своем пути – ничто по сравнению с тем, что ее ожидает. Она так закалилась в борьбе с жизненными обстоятельствами, что, кажется, ко всему готова. Кроме любви. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	98

В оформлении обложки использована фотография с <https://img4.goodfon.ru/original/2990x1800/8/54/hunza-pakistan-les-gory-skaly-derevia-kanon-rechka-doroga-av.jpg>

Выраж

роман

Глава 1

Остаток какой-то мысли еще успел чиркнуть по сознанию белым трассером...

...когда окно со стороны водителя треснуло мутной паутиной...

...и пейзаж за ним раздробился в мелких квадратах триплекса...

...с дырой от пули в центре.

Сознание зафиксировало эту дыру в полной тишине. Без выстрела. Исчез даже шум мотора.

Немой видеоклип продолжался. Череп Махмуда медленно открылся, будто крышка шкатулки, и в Артема полетели брызги, куски и осколки.

А дальше включились визг, скрежет, стук, звон, рев. Боль. Теплое месиво на шее и лице...

Артем рванул ручку двери и вывалился из машины. Мерседес ушел с асфальта вправо на засыпанную крупным галечником дорожку. Артем прыгнул или ему показалось, что прыгнул, а на самом деле только шатнулся к кустам, и тут увидел двоих.

Они выбежали из-за поворота. Оба вооружены. Один остановился и начал водить стволом, нашаривая жертву. Дождаться выстрела Артем не стал, вломился в кусты и ки-

нулся вверх по склону, прыгая с камня на камень.

Ему казалось, что бежит он очень быстро. Но двое догоняли. Артем слышал их дыхание и даже чувствовал запах. Он не оборачивался. По щеке текло. Эта дорожка чужого жидкого мозга вдруг страшно разозлила. Артем запустил руку в волосы и нащупал острый осколок чужого черепа. Красная размазня залепила половину головы.

Выстрелы щелкали с равномерностью метронома. Киллер палил как в тире. Обожгло щеку, потом бок. Артем вдохнул очень глубоко, но воздуха все равно не хватило. В ушах зазвенело. Перед глазами поплыли круги, как на прогорающей киноплёнке.

В детстве двоюродный брат Славка, трудившийся кино-механиком, иногда забирал его к себе в будку. Темка смотрел все фильмы подряд. Однажды к Славке пришла девушка и пока они шушукались, что-то в аппарате застопорилось, он затрещал, а по экрану пошли замысловатые пятна, похожие на клубы коричневого с желтыми подпалинами дыма.

Нога подвернулась, Артем, уже ничего перед собой не видя кроме сепийных разводов, выставил вперед руки. Падение растянулось на длинные предлинные фрагменты. До этого мгновения жизни были короткими. От выстрела до выстрела их набирались сотни. Артем вторым планом сознания отметил это и даже подивился: как разнообразна, оказывается протяженность времени...

Он долго падал, пришел грудью на камни и потерял со-

знание. Точно потерял, а очнувшись услышал над головой шорох, стук и голоса.

– Он там?

– Ага.

– Живой?

– Неа.

– Давай, контрольный в голову.

– Неа. У него головы нет. Мозги разбрызгал.

– Спустишь, посмотри.

– Я и отсюда вижу. А спускаться – веревку надо.

– Пошли, водилу принесем. Обоих присыпим.

– А тачку?

– Тачку к осетинам на СТО загоним. За два часа разберут...

– Потом по новой соберут и толкнут за пять тонн зелени.

– Не твое дело.

Скрип, стук камней и голоса пропали. Артем приготовился бежать дальше. Под кожей свербело. Бежать было необходимо. Необъяснимо и обязательно. Сорваться и прыгать по камням вверх, вниз, вбок... не важно. Важно, оторваться, уйти, ускользнуть, затаиться, сбросить хвост, спрятаться, оставить их позади.

Он понял, что сейчас закричит. И замер, пережидая миг слабости, как умел это делать всю сознательную жизнь.

Очень ясно, почти графически, почти как независимый и равнодушный голос со стороны выплыло или и в самом деле

прозвучало: тебя приняли за мертвеца. Лежи!

Тело Махмуда скатилось сверху и придавило. Нечем стало дышать. Артем тянул воздух сквозь зубы, каждый миг ожидая, что преследователи все же спустятся и начнут проверять, но вместо людей на дно расщелины, в которую он упал, посыпались камни. Их с Махмудом хоронили.

Некрупный булыжник приложил-таки еще живого недопогребенца по голове.

Последнее, что услышал Артем, было возмущение одного из убийц. Старший заставлял молодого заполнить яму до верху. Младший отнекивался, что и так никто не найдет.

Темнота затопила как прилив. Неотвратимо.

От тебя ничего не зависит – ты не властен даже над единым мигом бытия в приближении смерти...

Тоска с утра означала не перемену погоды и даже не гипертонию, у Дарьи ее не было, тоска являлась предчувствием. Феномен обнаружился не так давно. Вернее существовал-то он всегда, но что следует связать утреннюю хандру с предстоящими неприятностями, Даша поняла только годам к тридцати. Однако, даже связав теоретически не очень связуемое, каждый раз спохватывалась не заранее, а в момент начала неприятностей.

Утром, глядя в мутный потолок, она поняла, что вставать не хочет. Холодно, темно, тоскливо. Придется делать зарядку, есть, пить, выходить в морозящую насквозь продуваемую

действительность, – что б ее! Но встала и далее по списку.

Потому что комп накрылся медным тазиком. Не друг и не враг, а так – Митяня спалил блок питания ее ноутбука, пока Даша путешествовала по отпускам. По ее возвращении не друг и не враг развел руками: прости старуха. Замену он не нашел. Даша, впрочем, подозревала, что не больно-то искал. Митяй для порядка погрозился еще поискать. Но погрозился необязательно. Он прекрасно знал, что она с ножом к горлу не полезет, и занудствовать не станет.

Два дня Даша металась по магазинчикам, которые напоминали лавки компьютерных древностей, и мастерским, которые являли собой свалку всяческого проводного и беспроводного хлама. На третий отчаялась, плюнула и решила съездить в соседний городок. Всего-то пятьдесят километров, а – цивилизация, в отличие от ее деревни.

Место, где с недавних пор обитала Дарья Сергеевна Горчевская – от роду всего–ничего, разведенная, решительная, чуть выше среднего, высшее, курит, пьет в меру, фигура женская – носило пышное известное каждому жителю страны название, ассоциирующееся с пальмами, морем, белым пароходом и черным «Мерседесом», или наоборот, черным пароходом и белым «Мерседесом». Что не мешало пребывать месту в состоянии почти первобытной дикости, как в смысле последних достижений цивилизации, так и в плане менталитета.

Электричество в поселке, притулившемся на окраине большого курорта, гасло с регулярностью напророченной еще профессором Преображенским. Зато перед внезапным выключением оно ярко вспыхивало, радуясь последним мгновениям жизни. Перегорало все! Народ непрерывно возил в центральный округ микроволновки, кондиционеры, музыкальные центры и т.д. Окомпьютеренный люд страдал молча. Вози, не вози, толку не будет. Не родила еще причерноморская земля достойную мастерскую по ремонту оргтехники.

Зато практически рядом, в пятидесяти километрах к северу процветал городишко в шесть раз меньший, но оседлавший нефтяную трубу. Труба отравила море и отогнала курортников, зато дала городу возможность динамично развиваться, а не спать от одного курортного сезона до другого.

Дашу передернуло. Два года она пыталась привыкнуть, притерпеться как-то. Бесполезно! Не раз и не два приходила мысль, свалить обратно в родной город и жить себе нормально, как жила раньше. Это когда есть друзья, когда соседи не делают пакостей просто из любви к искусству, когда зимним вечером есть куда выбраться, вместо того чтобы сидеть взаперти, поскольку идти просто некуда, и вообще – там люди, а здесь одни похмельные аборигены.

Обстоятельства, занесшие нормальную деятельную, вполне себе образованную женщину в эту тмутаракань возникли в связи со смертью двоюродной бабушки.

Почила старушка по естественным причинам. Под девяносто обычно так и случается. Единственной, с кем она имела настроение общаться в последние годы, была Дарья. Сносились они по телефону, но часто и обстоятельно.

Серафима Дмитриевна предпочитала, чтобы внучатая племянница звонила не реже двух раз в неделю. Даша сотворила себе соединение через Интернет. Иначе вылетела бы с этими разговорами в финансовую трубу. А бабушку ей было просто жаль. Сыновья – одному пятьдесят пять, другому пятьдесят три – давненько уже перебрались в Штаты. В ротшильды не вышли, но и под мостом не ночевали. Какой-никакой достаток позволял «мальчикам» свысока поплевывать на тех, кто остался дома. Серафима Дмитриевна неоднократно предлагала детишкам погостить на берегу моря, на что получала категорический ответ в том смысле, что Америка, практически, остров, со всех сторон омываемый водой. Типа: своих пляжей хватает. Подолгу разговаривать с маразматической старушкой «мальчишки» себе позволить не могли. Даже на категорическое требование прибыть и ознакомиться с завещанием, отговорились занятостью, трудностями с оформлением визы, проблемами с детьми и внуками...

И Серафима Дмитриевна обозлилась. Некоторое время она перебирала оставшимися по сю сторону океана родственниками. Выяснилось, однако, что любовь близких имела обыкновение заканчиваться с последним днем отпуска.

Загорелые племянники и племянницы, а так же их жены и

мужья, сестры и братья жен и мужей, приятели тех и других сваливались на побережье в середине июня и испарялись в середине сентября. Все это время они напропалую пользовались гостеприимством старушки. С отъездом же последних пляжных пилигримов наступал тот самый мертвый сезон. Никто из родни к себе гостеприимную бабушку не звал. На прозрачные намеки в том смысле, что ей бы в большой город, да показаться хорошим врачам, да в театр бы... родня глохла на корню. Ну, случилось так, семейка такая попалась. Не повезло бабке.

Серафима Дмитриевна обозлилась вторично и в одно не самое прекрасное для родни лето отказала халявным визитерам от дома. Престарелый Дашин дядя Толик поехал так, полагая, на месте разрулить недоразумение, но обнаружил под бабкиным кровом кучу посторонних, которые, между прочим, расплачивались с хозяйкой живой монетой.

– Есть комната в мансарде, – проскрипела Серафима, «не узнавая» племянника. – Умывальник на улице, сортир тоже. Триста пятьдесят рублей сутки.

– Что?! – Взревел дядя Толик. – Там же Игореха в прошлом году спал. Там же повернуться негде...

– Триста пятьдесят, – отрезала старушка.

Пока дядька багровел и пыжился, в распахнутую калитку ввалились мужчина и женщина в расхристанных майках, ведя в поводу огромный колесный чемодан, и в один миг сторговали комнатку за четыреста.

Дядька Толик спрятался в тенек, и уже оттуда ехидно попенял престарелой родственнице:

– Не стыдно сиротку обирать?

– Это кто сиротка? Лошадь эта? – бабка мотнула головой в сторону новых постояльцев.

– Это же Дашка, дочь Натальи, Аглаина внучка. Наташка, когда... живая еще... в гости маленькую...

Дядька чуть не пустил слезу, так ему стало жаль покойной двоюродной сестры, а пуще – себя, что не приютили, что выгнали искать чужого угла. Серафима Дмитриевна неопределенно хмыкнула и заявила на невыплаканные толиковы слезки:

– Так это когда было... лет двадцать... больше. Не узнала. И что?

– Тетя Фима, – задушевно начал Толик, – у тебя в комнате диванчик есть. Я бы на нем...

– Триста пятьдесят, – отрезала вредная старуха.

Дядька ушел, залепив калиткой с такой силой, что брызнули отсохшие лушпайки синей краски. А Серафима Дмитриевна закарабкалась по крутой мансардной лесенке, подслушать.

– Какой вид! Я маленькой сюда специально забиралась, чтобы посмотреть, – весело тараторила Даша.

– Ага. Ничего. Но сортир-то на улице, – недовольно бухтел ее муж.

– Зато море близко.

– Умываться туда будем ходить?

– Не гунди, а? Мне тут хорошо.

– Ладно, даю тебе три дня на законную ностальгию, потом переедем в приличное место.

– Законными бывают браки. Еще воры...

– Воры бывают в законе. И не спорь, если не хочешь испортить мне отпуск.

– А мне? – тихо спросила Даша.

– Не начинай все сначала, – раздраженно потребовал муж.

Через три дня они действительно собрались. Даша с сожалением смотрела на старый дом. Ее муж хмурился.

– С матерью, значит, сюда приезжала? – спросила Серафима Дмитриевна, не глядя в сторону внучатой племянницы, без каких-либо извинительных интонаций.

– Вы меня вспомнили? – удивилась Дарья.

– Анатолька подсказал. А потом и сама. Ты маленькая в куст гортензии тыкала и твердила, будто она только в горшках растет.

– Точно! – обрадовалась Даша.

– Наталья-то от чего померла? – спросила далекая от деликатности Серафима Дмитриевна.

– Никто не знает, – отозвалась племянница.

– Что значит, не знает! Врачи уморили, а написали, что от неизвестных причин.

– Я сама врач. Острая коронарная смерть. Она на рабо-

те...

– А ты, значит, в больнице работаешь.

– Да.

– Больница хорошая?

– Окружная.

– Операцию мне надо делать на глаза.

– Что?

– Катаракта, говорю у меня. Сделают твои врачи операцию?

– Надо сначала обследование...

– Где я его делать буду? Тут? Тут вообще без глаз останешься.

– Приезжайте к нам.

– Сколько операция стоить будет? – Серафима Дмитриевна приготовилась отбивать кровные рубли и копейки.

– Ни сколько, – ошаршила ее Дарья. – Я договорюсь.

– А твой? Не погонит тебя вместе со старой бабкой из дому?

– Даша! Сколько тебя ждать?! – прилетел от калитки ответ на едкий старухин вопрос.

– Нет... все нормально, – заторопилась Даша. – Вот май адрес и телефон. Когда надумаете обследоваться...

Была катаракта, потом грыжа, потом геморрой. Были встречи Серафимы Дмитриевны, организованные сначала вместе с бывшим мужем, потом самой. Бабка оставалась ершистой, въедливой и часто несправедливой. Когда сильно

доставала, Даша на нее обижалась. Однажды не звонила целый месяц, потом зажалела под настроение, набрала номер и услышала тихое и тоскливое:

– Хоть ты меня не бросай, девочка.

Сама Дарья тогда только-только развелась. Конец замужества просматривался уже давно, но настроения, понятное дело, не добавлял. Даша взяла на работе скоропалительный отпуск и среди зимы полетела к бабке.

Почудили они тогда на славу. К Дашиным деньгам бабка добавила большую часть и потребовала, чтобы внучатая племянница купила машину.

– Оформишь на меня, а на себя напишешь доверенность.

Несмотря на преклонные года, Серафима Дмитриевна неплохо ориентировалась в юридических заковыках. Даша согласилась. Выбранная по деньгам машинка оказалась хоть и не новой, но еще вполне. На ней две одинокие странички прочесали все побережье.

Ресторанчики с видом на серое море пустовали. Между столами гуляли сквозняки. Женщины заказывали хаш, красное вино, сыр, кофе. В зимний театр внезапно приехала грузинская дива. Серафима Дмитриевна узнала об этом по местному вещанию за два часа до концерта.

– Поехали, – приказала она Даше. – Может эта старая лошадь поет в последний раз в жизни. В моей жизни. Поехали.

Даша обгоняла и подрезала. Старушка сидела втянув голову в плечи, но помалкивала. Успели. Послушали. Похло-

пали стоя вместе со всем залом, когда до дрожи уставшая прима спела-таки «Тбилисо», а на обратном пути, уже выбравшись за пределы центрального округа, завязли в пробке.

Вдоль обочин с обеих сторон стояли мотоциклы. Впереди просматривалась куча-мала из легковушек. Истерично подмигивала чья-то аварийка, по лицам, кустам и блестящим бокам техники неспешно и молча скользили синие сполохи полицейского маячка.

– Что там? – потребовала бабка.

– Авария.

Сзади успел вырасти хвост из таких же припозднившихся бедолаг. Даша заметалась. Серафима устала. Она храбрилась, вытягивала тощую шейку, пучила глаза, но вот-вот могла сорваться. И пойдет тогда веселье: вспомнит все болезни, все Дашины промахи, а заодно и всю несправедливость собственной долгой жизни.

В темноте возле мотоциклов кто-то шевелился. Даша подалась в ту сторону. Под магнолией стояли двое в кожаных куртках и прикуривали от маленького рваного пламени. Остро потянуло запахом бензина – небритый ковбой, водопад, пачка «Кэмэл» и большая квадратная зажигалка...

– Заблудились, девушка? – окликнул Дашу один.

– Ищу, как отсюда выбраться.

– А что тут искать-то, пролезайте между байками.

– Я с бабушкой.

– Бабушку перенесем на руках, – хохотнул второй.

– Я еще и с машиной.

– Проблема, – весело констатировал первый.

По Дашиным глазам мазнул тусклый, на последнем издыхании, луч фонарика.

– Красивым женщинам и старушкам надо помогать. Девушка, вы, надеюсь, не на том мастодонте прикатили?

Как раз перед их малолитражкой осел темный и громоздкий как бегемот на суше «Крузер».

– Мою отсюда не видно. Она чуть пониже его колеса, – заторопилась Даша.

– Тогда делаем так, – голос придвинулся, – Беги, заводись. Мы по тихому растащим байки, ты ныряешь в щель и по тротуару дуешь до поворота. Я фонариком мигну. Только быстро. Мы вообще-то в оцеплении тут... ха-ха.

Кого и зачем оцепили, Даша спрашивать не стала. Кого надо, того и...

– Спать на дороге будем? – угрожающе начала Серафима, когда внучка прыгнула на водительское место.

– Спок, бабуля. Есть вариант ночевать в ментовке.

– Там чай дают?

– Я тебя люблю, – не по теме, но искренне откликнулась внучка.

В черной как колодезное дно ночи мигнуло. Даша сосредоточилась, не сдавая назад, почти цепляя клятый «Крузер», развернула свою микроскопическую «Тойотку» и втиснулась между раздвинутыми мотоциклами. Машинку принял коря-

вый от выбоин тротуар, который, однако, благополучно донес ее до поворота и даже выкинул, не зацепив днища, в переулок. Где-то засвистели, загудело сразу несколько машин. Даша свернула в темноту, на подфарниках проскочила до следующего перекрестка, еще свернула. С перепугу ей помешалась погоня. Успокоилась она, только въехав на небольшую площадь, заставленную опять же мотоциклами. Кроме железа тут было полно людей. На эстраде под ракушкой кто-то бормотал в микрофон.

Снаружи постучали. Даша опустила стекло и зажгла свет.

– Девушка... о! девушка, Вы как тут оказались? Мое почтение, леди.

Не вполне чтобы трезвый, не бритый мэн в кожаной косухе, разглядев в глубине салона Серафиму, приподнял пожилую мятую шляпу.

– Я заблудилась, – честно призналась Даша. – За нами там... полиция. Мы в пробку попали...

– Бывает, – необходимо оборвал ее мэн. – Побудьте тут пока. Бодяга уже вся. Еще трое, дальше мамонты... минут тридцать придется постоять. Потом я ребят попрошу, они вас на объездное шоссе пропустят.

– Что за бодяга с мамонтами? – нос Серафимы нацелился на эстраду.

– Я выйду, осмотрюсь. Тут какой-то концерт или фестиваль, – откликнулась Даша.

– А мотоциклетки зачем? – не отставала бабка.

– Мотоциклетка, бабушка, это – «Урал» с коляской. А тут байки.

Даша выбралась из машины. Парень на эстраде как раз перестал шептать в микрофон. Динамики рявкнули, люди на площади повернули головы в сторону действия. За первым грохотом последовала нисходящая волна звуков, в которую попытался встрять человеческий голос, но не найдя лазейки в плотном потоке децибел заметался, пропадая и выныривая в такт ритму.

Даша огляделась. Теснились косухи, немного цепей... мелькнул одинокий ирокез... кожаная безрукавка, рука от которой на отлете держала дымящийся окурок... чужая рука перехватила... косяк пропал за спинами. Наголо бритая девушка, поднесла к губам горлышко темной бутылки, другая девушка, выхватила из темноты остатки косяка и быстро коротко затынулась.

Рев оборвался. Парень на эстраде затряс волосами. Его команда бросилась врассыпную, освобождая место для следующих исполнителей. И опять: шепот в микрофон, ровный гомон толпы... настройка.

Даша уже приготовилась, почти прижала уши, в попытке защитить мозг от напора звуков, когда в толпе блеснули очки, прорисовался знакомый профиль и густая щетина.

– Слушай, тут Шевчук, – возбужденно оповестила она бабу, пролезая на заднее сиденье за курткой.

– Это который – осень?

– Ага. Осень...

Парнишка у микрофона отревел свое, ему похлопали. Потом хлопки усилились, раздались крики, переходящие в рев. Даша привстала на цыпочки. У микрофона стоял Кипелов. Как он пел! И как мало! Но за ним вышел... Дарья глазам не поверила.

Исчезла сквозная зимняя ночь. Он был рожден чтобы бежать, он открывал дверь в лето...

Она прыгала и кричала вместе со всеми. Рядом металась бритая девчонка, байкеры ревели не хуже собственных машин...

Потом кто-то вышел к микрофону и сказал несколько слов. Начала гаснуть подсветка на сцене. Даша разочарованно поплелась к машине, в раскрытое окно которой, любопытствовала закутанная в пуховой платок Серафима.

Их машинку пропустили на объездную дорогу, впадающую в пустое шоссе уже за пределами городка. Пробка пребывала на месте. Вдалеке едва слышно гудели моторы – снимались с места байкеры. Под тихое бормотание печки бабка перестала стучать зубами и выбралась из платка.

– Хороший мальчик, – голос у нее скрипел.

– Ты о ком?

– Последний.

– Чиж.

– Фамилия такая?

– Вроде того.

– Не слышала.

– Его по телевизору не показывают.

– На тех, кого там показывают, люди среди ночи зимой в давку не полезут.

– Это ты бабуля права. Я сама только на одном его концерте была. Представляешь, еще не началось, а народ уже в раж вошел: кричат, свистят. Я губу оттопырила: фу! мове-тон, блин. А к середине концерта сама орала и прыгала. Как в другой жизни побывала. Там все настоящее, а тут только отражение. Плоско, скучно. Витюша мне длительно потом выговаривал за плохое поведение.

– Взревновал.

– Да нет. Просто было к чему прицепиться, вот и пилил.

– Он не тебя ревновал, а мужескость свою нянчил. Это знаешь ли, похуже будет. Жена что? Либо повинится и он об нее ноги повытирает. Либо уйдет. Замена – тут как тут. Так или иначе, мужик свою самость не расплескал. А поставь его рядом с таким вот? Да Витька от одной перспективы должен был на стенку лезть. Представил должно быть, что ты его сравнивать станешь. А все женщины сравнивают. Только одним мужикам оно безразлично, а другие бесятся. К сожалению первых – единицы, а вторых – пруд пруди. А этот мальчик как раз для тебя.

– С ума сошла, бабуля? Он для всех.

– Не он именно. Такой. Но помяни мое слово, как только такого встретишь, так твоя жизнь вся под откос ухнет. Ви-

тюшу будешь, как малину поминать.

– Не пугай, Серафимушка.

– А может и пронесет еще. Сколько ехать-то осталось?

– Минут десять.

Серафима с трудом вылезла из машины. Даша помогла ей добраться до постели, раздела, уложила, подбросила дров в печку и села дожидаться, пока прогорят. При незакрытой вьюшке к утру в доме становилось зябко.

В тот год Дарья выбралась к бабке только на излете осени. Было уже ветрено. Ночи похолодали. Берег почти совсем опустел. Даша тащилась в горку с чемоданом, соображая, что не так. Дошло только у самой калитки – исчез высокий мезонин бабкиного дома. Даша рванула створку ворот. Вместо уютной старой развалюхи перед ней бетонным боком торчал цоколь нового дома. Над цоколем поднимался уже достроенный этаж. От старого дворика осталась сарайка, из которой выглядывал бампер красной малолитражки, да в углу у самого забора – индийская сирень. Она только-только собралась цвести.

Даша от неожиданности выпустила из рук чемодан. Он ту-по бухнул на крупный, рассыпанный гравий.

– С сюрпризом тебя, – проскрипела Серафима вместо приветствия. – Вот решила новые хоромы поставить.

Даша спохватилась, стала поднимать чемодан, улыбаться, здороваться. На Серафиму было страшно смотреть. Она вся

ссохлась, провалилась внутрь. Руки тряслись. На Дашу она смотрела как сквозь мутное стекло.

– Не по возрасту мне оказалась потеха. Потянула ношу не по плечу, дура старая.

Словно не человек, а тень отшатнулась от косяка и канула внутри мрачного цоколя. Даша шагнула следом.

В недрах нового дома оказалось не так уж и страшно. Просторно, чисто. Холл, кухонька, ванная.

– У меня теперь горячая вода есть, – похвасталась Серафима, в голосе на миг прорезались прежние нотки. – Ты как уехала, – за чаем она немного повеселела, – я решила: все, пора начинать новую жизнь. Сняла деньги с книжки, чулок развязала, набралось кое-что, вот... ну и смахнула старую хибару. А эту пока только до половины...

– А сама где жила? – ужаснулась Даша бабкиной смелости.

– Угол снимала. Противный тут народ, я тебе скажу. Одно слово: кубаноиды. Намыкалась. Теперь вот на новом месте. Успею ли...

Через полгода на очередной звонок Дарьи откликнулся незнакомый голос. Ее с пристрастием попытали: кто такая, адрес, место работы, и только на уже совсем грубый окрик ответили в том смысле, дескать, бабушку вашу Бог прибрал.

– Когда? – охнула Дарья.

– Ночью сегодня. Признаков насильственной смерти нет. Во сне старушка скончалась. Я участковый.

– Врач?

– Зачем ей врач? Участковый я. Хоронить бабушку кто будет? Дети?

– Не знаю, – откликнулась Даша. – Я сегодня прилечу. Вернее – завтра. Как только смогу.

– Тело в морге будет. Дом я опечатаваю до полного разбирательства, – холодно сообщила трубка.

Разбирательства по приезду действительно последовали. Если бы не нотариус, Дашу, пожалуй, и на порог бабкиного дома не пустили бы. Оглашение завещания произошло в участке. Уполномоченный хмурился и смотрел исподлобья. Документы внучатой племянницы доверия ему не внушали.

Причина полицейского раздражения стала понятна, когда Даша перешагнула порог дома. Там будто корова языком прошлась. Очень большая и прожорливая корова. Не осталось даже старых полотенец. Из буфета начисто вымело вилки и ложки очень старые с почти стершейся гравировкой. Из ванной кто-то вынес зеркало. Даша его покупала в последний приезд. Не осталось постельного белья. В нижнем ящике комода валялись вытряхнутые из шкатулки старые письма. Сама шкатулка исчезла.

Участковый держал зверское лицо: только спроси, вот только попробуй! Даша его конечно спросила, куда подевались вещи. И получила: «Ты думаешь, я их взял?!»

Рядом с участковым ухмылялась в кулак соседка. Глаза

тетки шарили по углам, подбирая последние золотые пылинки чужой жизни.

– Ключи! – протянула руку Дарья. Участковый кинул ей связку. Она поймала на лету.

– До свидания.

– Тело заберете из морга сегодня, – приказал участковый. Даша не ответила. – Я сказал сегодня!

– А? Да. Где у вас ритуальные услуги?

– Улица Хрустальная.

Дарья вполоборота смотрела, как они уходили.

Серафима оказалась очень маленькой. Но чистенькой. Выражение недовольства, с которым бабушка прожила все последние годы, исчезло. Его место заняла почти улыбка. Кажалось, старушка ухмыляется из своего очень далекого далека, довольная, что так ловко всех провела.

Ее «мальчики» прилететь на похороны не смогла. Если бы их известили заранее...

Даша сорвалась! Она так орала в трубку, что та нагрелась и стала мокрой. Она им сказала все! И только накричавшись, поняла, что ее не слушают. Просто отключились.

Так Д. С. Горчевская оказалась наследницей недостроенного дома с видом на море. В прежней жизни остались привычная работа и налаженный быт. Там же остались друзья, которые в эту жизнь изредка позванивали, кто, искренне ин-

тересуясь ее делами, а кто и с прицелом на летний отдых.

* * *

Дорога была знакомой, но все равно муторной до изжоги. Пятьдесят километров растягивались в лучшем случае на час. Бывало и дольше. Езда по серпантину походила на тренировку в центрифуге. Вверх, вниз, вправо влево, по косям, притормаживая и разгоняясь. Из-за поворота выныривали знаки. В одном месте дорожники ошиблись. На табличке стояла цифра тридцать четыре, а через два километра, там где полагалось быть тридцати двум – тридцать шесть. Дарья называла этот участок рыбным. Знак зодиака: две рыбы плывут в разные стороны – разнонаправленность пространственных и временных потоков. На этом участке ее машину однажды пытались остановить цыгане. Просто встали посреди трассы и начали дергать двери, когда она притормозила. Дарья тогда вовремя включила блокировку. Ромалы поорали, поплевали, но пропустили. По встречной выползал на внепространственновременной участок груженный «Камаз». Работяги могли проехать, а могли и потоптать таборок. «Камаз»-то он железный.

Еще некоторое время после инцидента Дарью слегка потряхивало. Ее вообще всегда вышибало из колеи открытая агрессия. Не боец она была. Если конечно разозлить, тогда – еще то-се, а так, на ровном месте, могла забиться в круп-

ном треморе, переживая неприятности. Ругала потом себя, конечно за трусость. Да уж такой удалась. Не боец.

В Туапсе как будто и не было мертвого сезона. Тут даже люди по улицам ходили другие. Студены, моряки, те же тет-ки с кошелками выглядели иначе, нежели в ее деревне. Народ спешил по делам. Магазины на центральной улице оставляли почти столичное впечатление своей мелкостью, яркостью и ценами. Если бы не крайне скудный бюджет последнего времени Даша обязательно прошла бы по ним. Но, как говорится, желания не всегда соответствуют. А у нее так и вовсе – расходились. Самые простенькие, на грани с ширпотребом новые сапоги стоили столько же, сколько десять мешков цемента. А бетон, а кирпич? Она в последнее время поймала себя на том, что финансовые вопросы думает в кубометрах, погонных метрах и рабочих часах.

Если хочешь покончить с нормальной жизнью, организуй себе западню в виде стройки, в которую ухнут все силы, время и деньги, и через какое-то время заметишь или добрые люди подскажут, что превратилась неизвестно во что. Была женщиной, а стала сухой, деловой даже не бабой, а человекоединицей без пола.

Еще год назад, попав в финансовый цейтнот, Даша прогнулась, наступила на горло собственной гордости и позволила бывшему мужу. Дела у того шли неплохо, пара магазинов кое-что приносила. А Дарья тогда осталась вовсе без гроша. До голодных обмороков дело пока не доходило, но

поясок уже подтянулся на последнюю дырочку. Даша попросила в долг. На что получила контрпредложение, решить дело по-родственному. Витюша предлагал ченчъ: купить Даше взамен бабкиного наследства однокомнатную «с ремонтом» в Челябинске. При том, что разница в цене была на порядок. Даша поблагодарила бывшего мужа за щедрость и уже собралась отключиться, когда Витюша елейным голоском поинтересовался:

– А ты как думала? Мы тут в снегу по шею, а ты на югах в тепле, строишь с понтом светлое будущее, трахаешься без сомнения с каждым встречным поперечным, а я тебе должен оплачивать развлечения?

– Ты в своем уме? – оторопела Даша.

– Разумеется. А потому денег я тебе не дам. Бери бабки за сексуальные услуги. Или меняй свой недостроенный сарай на однокомнатную. На такой вариант я согласен.

И Даша сказала ему куда следовать. Точнехонький адрес выдала по буквам, отключилась и поняла, что сдохнет с голоду, но больше ни у кого ничего просить не станет. А еще сообразила, что год назад тирада на русском устном просто не могла у нее сложиться. Тогда она еще не все слова знала, во-первых, а во-вторых, выговаривать их было выше ее воспитания. За пределами, так сказать, добра и зла.

Что мы имеем, – думала она, перебирая в памяти разговор с бывшим близким человеком, – а имеем мы деградацию. Я становлюсь грубой теткой. Не теткой даже, а грубой особью.

За последний год у Дарьи не случилось ни одного мужчины. Пролапсус эст. Дома, после развода нет-нет да возникали какие-то отношения. Романами не назовешь, но и не разовые акции. А когда переехала сюда, ее будто выключили. Она столько сил отдавала борьбе за выживание, что в какой-то момент перестала ощущать потребность в сексе. Нет и нет. Основной и почти единственной доминантой стал расчет: если сэкономить на еде и одежде еще немного... получишь все ту же особь без пола.

Дарья работала на трех работах: брала дежурства в стационаре, бегала по вызовам, и в любое время суток, если не была на трудовой вахте, могла выехать на спасение очередного алкоголика от самого себя.

Она научилась брать деньги у больных, не краснея. Никогда в прежней жизни ей не приходилось назначать цену за свою работу. Научилась. Научилась четко ставить задачи перед строителями. Научилась требовать, ругаться, грозить, гнать, просить, умолять...

В общем, см. выше: стала тем, кем стала.

То, что через два года мытарств на халабуду, затеянную покойной Серафимой, нахлобучили таки крышу, провели в нее газ и начали отделку, Даша восприняла не как победу, а как близкий конец мучений.

Сумерки возникли как всегда внезапно. Дарья вела машину вдоль берега, а на встречу катила волна вечера. От моря

исходило больше света, чем от неба. И было так красиво, что тоска, которая достала утром еще под одеялом, немного отодвинулась. Стоило, наверное, упираться, закрепляться тут, вить себе гнездо. Пусть пока все плохо. Так не может продолжаться вечно...

Козел на задастой иномарке пошел на обгон по встречной, будто дожидался, когда Даша выедет из-за поворота. Девять-ся ему оказалось некуда: справа фура и скала, слева – обрыв к морю. А навстречу – маленькая красная тойотка. Даша ша-рахнулась, вылетела на узенькую присыпанную гравием обочину, почти не видя перед собой дороги, ударила по тормозам и вырулила обратно, рискуя зацепить козла. Но тот успел проскочить.

Ладони стали мокрыми, спину ошпарило адреналиновым кипятком. Даша еще не осознала, что виртуозно вырулила из крупных неприятностей, и только, посмотрев в боковое зеркало, поняла, что прошла практически по столбикам.

На вираже как раз начинался длинный извилистый спуск. Дарья двигалась по нему со скоростью черепахи, отмахиваясь от хвоста. Машин пять за ней уже сигналили и дергались обогнать. Обгоняйте! А она – ползком, ползком.

Наконец один из хвостовых вырвался на обгон, поравнялся с тойотой и начал жать ее к обочине.

Сволочь! Ну что ему надо? Хочешь, не хочешь, пришлось, пропускать, слушать сигналы и матюги, которые пробивались даже в закрытый салон.

Дорога освободилась. Колонна укатила вниз, Дарья решила продолжить свое неспешное движение, но только выехала на асфальт, как почувствовала, машину тянет в сторону. Руль начало выворачивать из рук. Дарья вдавила педаль тормоза, но тут за спиной истошно и басовито засигналили.

О, Господи! Ее на крутом спуске догоняла груженная фура. Этому мастодонту было попросту не затормозить. Поворот на более пологий участок закручивался впереди еще метров через тридцать. С противоположной стороны к нему примыкала довольно широкая ровная площадка. Даша отпустила тормоз, нажала на газ и пошла вихляя через сплошную на ту сторону, умоляя, чтобы на встречной никто не появился.

На площадку ее выкинуло. Машинка боком прыгнула на чистый пяточок под скалой и замерла скособочившись. Левое заднее колесо кусками разбросало корд.

Даша нашарила в бардачке пачку сигарет, заначаную на черный день, хотя почти не курила. Уровень адреналина в крови поднялся выше нивелира – самое время гасить.

А на дворе, между прочим, всюю вечерело. Свет встречных машин резал глаза, вышибая слезы. От дыма першило в горле.

Даша выкинула недокуренную сигарету, выбралась из машины и только тут по-настоящему оценила собственное везение. Колени и руки затряслись. Челюсть, кажется, тоже.

Но самым пикантным в ситуации было то, что она ни разу в жизни не держала в руках домкрат. Что он имелся в маши-

не – знала. Что запаска существует именно для таких случаев – тоже. Однако приспособить одно к другому и все вместе к машине в условиях темноты, холодного ветра и полного душевного раздрая не могла. Она попыталась голосовать. Ага, щас! Кто-то остановится ночью на горной дороге, на повороте, на самом что ни на есть «тещином языке»! Дураков нет. Машины либо молчком шмыгали мимо, либо издевательски сигналили.

Даша открыла багажник и начала на ощупь искать дерматиновый мешок с инструментами. Нашла, вынула сначала кривульку – торцовый ключ, потом и сам домкрат. Была еще какая-то железка, но что с ней делать водительница решительно не представляла. Ко всему выяснилось, что домкрат у нее какой-то совершенно незнакомой системы и как с его помощью поднимать машину не ясно.

Даша держала в руках все это холодное железо и боролась с желанием запустить им в окно любимой тойотки, раздолбать его, а еще лучше спихнуть машину с обрыва. Потом она аккуратно положила инструменты на землю у погнувшего колеса, забралась в салон, завелась, включила печку и закурила. Если еще чуть-чуть простоять на сквозном ветру, который уже пробрасывал колкими холодными каплями не то дождя, не то снега, либо тут околеешь, либо через некоторое время на больничной койке от пневмонии. Она бы сейчас и выпила. Да не возила с собой.

Бензина оставалось чуть. Скоро машина заглохнет. При-

дется ее бросить и как-то добираться до дома. То обстоятельство, что все деньги ушли на покупку блока питания, сильно осложняло дело. Если повезет, довезут так. А если нет? Могут потребовать оплату натурой. Даша хмыкнула: не она ли утром поминала свою полную сексуальную запущенность. Говорят: не желай чего-нибудь слишком сильно, вдруг твое желание исполнится...

В окошко с ее стороны кто-то постучал. Кнопка блокировки дверей сработала мгновенно. По спине опять прошел кипяток. Даша включила фары.

Рядом с машиной топтался бомж. Не спутаешь: старая камуфляжная фуфайка с чужого плеча, рваная вязаная шапочка по брови и такой же рваный ворот свитера по самый нос.

Только этого ей не хватало! И поток автомобилей на дороге как раз иссяк. Понятно, кому охота по темноте наматывать серпантин.

– Закурить найдется? – потребовал сиплый бас.

Инструменты остались снаружи. В салоне не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего оружие. Зато урод за просто мог высадить гаечным ключом окно. Ишь, закурить не дала, сука! Что окно можно разбить простым камнем, Даша как-то не сообразила, приоткрыла стекло и выпихнула в щель пару сигарет, в надежде, что бомж возьмет и отвяжется.

Взял, отвернулся, прикрыл ладонями спичку, прикуривая, а потом и вовсе канул в темноту. Даша посидела не шевелясь, повертела головой, выглядывая расхристанную фи-

гуру, перевела наконец дух и выключила фары. В следующий миг совсем рядом забренчали железки. Бомж, оказывается, никуда не ушел. Просто затаился. Он там что-то делал. Машины пару раз качнуло. В стекло прямо против Дашиного носа стукнул согнутый черный палец:

– Выходи. Домкрат хреновый, вместе с тобой не поднимет.

Чего-то он там собирался ... Дарья рванула ручку, вспомнила про кнопку блокировки, заметалась в темноте, нажала и распахнула дверь. Если не сможет убежать, будет драться. Сидеть дальше и захлебываться адреналином она уже не могла.

– Запаска где? – потребовал бомж.

– Что?! – Даша готова была к чему угодно, но не к деловому вопросу.

– Запаска, спрашиваю, где?

– В багажнике, – выдохнула она и ужаснулась. Бежать собралась. Да у нее коленки тряслись так, что и пары шагов не сделать.

– Открой багажник.

Даша покорно наклонилась и дернула рычаг под креслом.

Железка непонятного назначения оказалась рычагом, которым приводился в действие домкрат. В мигающем свете аварийки было видно, как бомж приспособил ее к делу и начал вращать. Машина накренилась.

– Диск выкидывать придется, – констатировал мужчина. –

На нем теперь только по лестнице кататься. Со ступеньки на ступеньку.

Даша не сразу сообразила, что он шутит. Пошутил, скрутил гайки, сунул в карман, вытащил запаску, приставил на место. Прикрутил. Молчком. Один раз только видимо прищемил палец, глухо ухнул, но работу не бросил.

– Колесо выкинуть, или на память возьмешь?

Исковерканный диск с ошметками резины в лучшем случае мог служить напоминанием, что все в жизни хлипко. Даша понимала это, но сказать не могла. Слова куда-то подевались. Она тупо тарасилась, а язык будто отсох.

– Ну, как хочешь.

Человек начал засовывать искалеченное колесо на место запаски, уложил, захлопнул багажник и вдруг резко и бесшумно прыгнул за камни. Через мгновение его как не бывало.

Даша испугалась за компанию. Проворно забравшись в машину, она стукнула по кнопке блокировки и сунула ключ в замок зажигания.

С той стороны дороги приближался, мелко перебирая короткими толстыми ногами, квадратный мужик. Подскочил к машине и дернул ручку.

– Шо ты тут встала?

От него несло злостью и одновременно какой-то тайной радостью. Охотник! – сообразила женщина. Тот, значит, сбегал, а этот ловит. Беглого раба что ли? Тут подобное случа-

лось.

– Заглохла, – заорала Дарья, так что у самой уши заложилось.

– Выходи, – потребовал загонщик.

– Ага, только разбегусь и сразу выйду.

Сказала и нажала на клаксон. Мелкая безобидная на вид машинка заорала дурным совершенно не подходящим ее субтильной комплекции басом. Кудрявая башка с толстыми губами и щеками отшатнулась от стекла. А на дороге как раз случилась колонна, которая выползла из-за поворота и осветила место действия.

Кудреван пошел вокруг машины, изображая озабоченность и заглядывая в окна – ожидал, когда свидетели уберутся. Хвост все тянулся. Тогда загонщик наклонился и потребовал:

– Тут лохматый такой не пробегал?

– Никто тут не пробегал! – опять заорала Даша и гавкнула клаксоном. Мужика отнесло от машины теперь уже основательно. Решил, наверное, не связываться с дурной бабой, еще засигналит, на дорогу выскочит, шуму наделает. Не ко времени оно. Ему беглого ловить надо. Улучив момент, кудряш шмыгнул между тихо ползущими машинами, но на той стороне остановился. Смотрел, что будет делать баба за рулем.

А она так и сидела. Колонна когда-нибудь кончится. Даша спокойно заведется и уедет. Погони и ловля рабов не ее де-

ло. Не ее! Бомж, который ее выручил, наверное, уже далеко. Хотя куда ему деваться? В ущелье не спустишься – обрыв. А бежать вверх вдоль дороги, заметят.

Даша повернула ключ в замке зажигания. Но не до конца. Машинка мигнула в темноте фарами, не издав ни звука. На поворот в это время выехала длинная фура, медленно прошла крутой загиб и со скоростью пешехода поползла вверх. Тойотку качнуло. В боковом зеркальце Даша увидела своего бомжа. Он сидел скрючившись и дергал заднюю дверь. Фура как раз перекрыла его преследователю обзор.

Не ввязываться! Своих что ли забот мало!? Не ввязываться! Пошли они к черту! Не хватало влипнуть в какую-нибудь темную историю!

Даша с размаху ткнула кнопку разблокировки.

Человек вполз в заднюю дверь как ящерица и замер где-то внизу у самого пола. Фура как раз кончилась. За ней протаскились еще две несерьезные машинки, и дорога опустела.

Кудрявый с противоположной обочины, шагнул к застрявшей машине. А та неожиданно легко завелась, ошпарила ночь ксеноном и рванула по спуску, оставляя любопытного преследователя с носом.

Перед глазами завертелись повороты, спуски и подъемы. Минут пять Дарья жала исключительно на газ, пока не осознала, что двигается с совершенно немислимой скоростью. То, что не довершили обстоятельства сегодняшнего вечера, вполне могла довершить она сама, поддавшись истерике. Ни-

кто ж не гонится. Она периодически посматривала в зеркало.

Обругав себя последней психопаткой, она заметила впереди подходящий карман и затормозила, отдышаться.

Еще одна докуренная до половины сигарета улетела в окно. Руки уже не так тряслись, вполне можно было двигаться дальше. И только тут Дарья вспомнила о пассажире. Вспомнила и чуть не застонала. Надо окончательно потерять голову, чтобы оставить неизвестно кого у себя за спиной. Да он в любой момент мог...

– Пересядьте на переднее сиденье! – потребовала она.

– Чем я тебе тут помешал? Лежу тихо, никого не трогаю.

– Пересядьте. Меня нервирует, когда кто-то сопит мне в затылок.

– Я не соплю, только воняю.

– Тогда вообще выметайтесь из машины!

– Стоит ли так волноваться? Ну, пересяду я – а если гаишники остановят и в машину сунутся? Что ты им скажешь? Что тебя с братом в младенчестве разлучили, и сейчас ты его нашла... на помойке? Давай так: я тут спокойно полежу, довезешь меня до ближайшей станции и попрощаемся.

– А не слишком у вас изысканная лексика для бомжа? – Даша упорно продолжала говорить ему вы.

– Я начинающий. Дебютант можно сказать.

Рядом остановилась темная громоздкая иномарка с правым рулем. Водитель опустил стекло и гаркнул:

– Все у порядку? Помочь нужна?

Щеки у него плавно перетекали в шею. Улыбка от уха до уха. За ним прорисовалась еще одна физиономия до оторопи похожая.

– Нет. Ничего не нужно, – отказалась Даша.

Где ж ты был, когда я на ветру загорала! Ладно, пусть пассажир лежит себе дальше. До дому осталось всего – ничего. Она довезет бомжа до станции, выкинет из машины и думать забудет. Впереди ждали душ, кофе со сливками и одеяло. Завтра воскресенье. Если кто-нибудь поднимет раньше обеда, Дарья его убьет.

Но настырный доброхот не уезжал. Пришлось сниматься с места, а так еще хотелось посидеть. Когда тойотка попробовала вырुлить на асфальт, джип рванул с места и перекрыл выезд. Водитель еще полыбился в окно, наблюдая, как Дарья бесится, и только налюбовавшись, неспешно освободил дорогу.

– Для юной леди ты знаешь слишком много неподобающих слов, – заметил с полу бомж.

– Я совсем не леди и не совсем юная, – процедила Даша сквозь зубы, – а вы или заткнитесь, или проваливайте!

– А может обоюдно перейдем на ты?

– Нет. Мы обоюдно перейдем на вы. А потом вы заткнетесь до самой станции, иначе мне придется оставить вас на ближайшем посту. То-то парни обрадуются.

– Понял, миледи. Вы меня больше не услышите.

Он и в самом деле замолчал. Лежал на полу, забившись

под заднее сиденье, и вонял старой одеждой и слегка болотом. Даша когда-то имела удовольствие провалиться в трясины. Дело было в турпоходе в глубокой юности. Раньше она думала, что болото пахнет сыростью и зеленью. Оказалось, тухлятиной. Ее потом долго отмывали и отстирывали всей группой.

Все три поста ГИБДД по дороге пустовали. Ушли парни куда-то. Не иначе искать лучшей доли. Хотя, куда уже казалось бы лучше.

За крутым подъемом и не менее крутым поворотом началась освещенная дорога, ведущая напрямиком к вокзалу. По встрече с бугра выскочила полицейская машина с мигалкой и ширкнула мимо на бешеной скорости. Даша тут же связала это явление со своим пассажиром. Но пугаться показалось поздно. Рядом сиял огнями город.

Спина выпрямилась, мертвая хватка на руле, от которой немели пальцы, разжалась. Даша поерзала, удобнее пристраивая занемевший от напряжения организм в кресле.

– Скоро приедем, – сообщила она пассажиру.

– Там такое же освещение?

– Еще ярче.

– Тогда, если можно, остановитесь где-нибудь в тенишке.

Пусть все будет не так торжественно.

– Ага, я остановлюсь, вы огреете меня по голове и выкинете из машины...

– У меня была уже такая возможность.

– А посты? Как бы вы мимо них проехали?

– Перестаньте, мадам. Я не бандит. Я мирный странник.

– Высажу у вокзала, – уперлась Дарья.

– Тогда вам придется вытаскивать меня за ноги. Обыватели от любопытства с ума сойдут, – пообещал пассажир.

Что верно, то – верно. Сбегутся всем поселком смотреть, как докторша бича из своей машины гонит.

Вокзал пришлось проехать. Даша свернула в темную боковую улочку, проскочила под путепроводом и остановилась. Все равно пришлось бы сюда заезжать. Она вчера на дежурстве забыла зарядное устройство от телефона. Остаться без связи не хотелось. Дальше как раз за вторым поворотом располагалась больница. А все выпады насчет, по голове и т.д., случились по инерции, как последний выплеск истерики.

– Я огородами до станции доберусь? – спросил бомж, выбравшись из салона.

– Вполне, – Даша махнула рукой вдоль темной улицы. – Тут недалеко. Через пути перейдете, и будет вам счастье.

– Был страшно рад нашему знакомству.

– Всего хорошего.

Она злилась, оказывается. Бомж отошел, тут же слившись с тенью магнолии, а Даше вдруг стало совестно. Этот человек, скорее всего, был в тысячу раз несчастнее ее. Мало ли какие обстоятельства...

Она на дежурстве как-то наблюдала за санитарной обра-

боткой похожего клиента. Того забирали в свое отделение хирурги. Что здешняя санитарка взялась за тряпку, дело почти неслыханное. Но этого уж никак нельзя было выкинуть на улицу – помер бы у порога больницы. Вот и мыли. Он голый сидел на железной каталке в санпропускнике и остервенело чесался. Лицо, с много раз битыми, вывернутыми губами, провалившимся носом и темно-серой кожей еще долго стояло потом перед глазами. Своего сегодняшнего пассажира Даша так и не разглядела. А вдруг и у него такое же? Бр-р-р!

Приемник пустовал. Медсестры пили чай в дежурке, охранник, наверное, тоже. Даша прошла холл и свернула в длинный коридор. Ее кабинет находился в середине прогона. Когда ключ уже поворачивался в скважине, распахнулась соседняя дверь. Из нее вышла Людмила Ивановна.

Даша вообще-то мирно уживалась с хирургами, но Люсю побаивалась. Суровая была дамочка, но и в общем добрая – такое вот сочетание. Она тоже недавно переехала на побережье. В отличие от Даши – с семьей.

– Вызвали? – спросила Людмила Ивановна, что-то дожевывая.

– Нет. Зарядку от телефона забыла.

– Слышала, в районе Вишневки трупы нашли?

– Что?!

– Мне Гена позвонил. Говорит, туда аж две бригады выехали.

Муж Люси работал судмедэкспертом. Она всегда располагала самыми последними криминальными новостями.

– Это, наверное, они мне навстречу попались, – ляпнула Даша и осеклась. Потом тряхнула головой – ну чего она боится! – Я из Туапсе возвращалась, видела машину с мигалкой.

– Наверное, – безразлично согласилась Люся.

Они еще поболтали немного. У Люси сынуля доучивался в институте. Родительница за него сильно переживала. Семья уже хлебнула с парнем лиха, и еще предполагалось. Несмотря на разницу в возрасте, Даша и Люся общались почти дружески. К себе, однако, хирургиня терапевтиню не приглашала, хотя сама забегала иногда в гости. Оно и понятно: молодых одиноких подруг приводят в дом только самые что ни на есть распоследние дуры.

Прихватив зарядное устройство, Даша медленно прошлась по аллейке больничного парка. Тут завязла тишина. Магнолии только чуть пошевеливали тяжелыми глянцевыми листьями. Фонари светили ровно и ярко. В сторожке сидел дяденька охранник. Он махнул Даше рукой.

Машина не успела остыть, тихо завелась и покатила в темноту неосвещенного больничного переулка. Еще чуть-чуть и дома!

Небольшая черная толпочка на углу, колготилась и агрессивно гыркавала. Единственное освещенное окно соседнего дома давало возможность разглядеть, кто тут произрастал.

Одного Даша узнала.

Ее как-то пригласили на армянскую свадьбу. Она в тот момент лечила то ли бабушку то ли прабабушку жениха. Первое официальное приглашение на новом месте обязывало. Дарья долго готовилась, собиралась, одевалась. А когда пришла, выяснилось, что гостей – человек пятьсот. Не в переносном, в прямом смысле. Даша потерялась в этом море. Говорили в основном по-армянски. Она побарахталась немного, дождалась схода жениха и невесты с умопомрачительно пышной лестницы, поздравила родителей, с которыми случайно оказалась рядом, и тихонько ушла, не сомневаясь: ее бегства просто не заметят.

На углу в свете одинокого окна топтался родственник того самого жениха. Очень уж колоритная была фигура. Он еще со свадьбы запомнился жуткой массивностью и густым утробным хохотом.

Он и сейчас возвышался над остальными, выпихнув животом всех мелких на проезжую часть. Даша объехала их по широкой дуге, повернула в сторону освещенных кварталов и только тут сообразила, что на углу затевалось нехорошее. Там махали руками, покрикивая на смеси русского и армянского. Потом двое рванули в сторону моря, остальные следом за ее машиной. Они бежали тяжело и шатко как три пьяных першерона.

Да что же это за день такой выдался! Дарья опять увязала в какой-то криминальной гадости.

За поворотом улица имела единственный, но яркий фонарь. Знакомый бомж стоял у забора, цепляясь одной рукой за прутья решетки, а другой, зажимая рану на голове. Шапку он потерял. Длинные слипшиеся от крови волосы свешивались сосульками. На звук приближающейся машины он дернулся и махнул рукой. Так инстинктивно останавливают такси. Но, видимо спохватившись, заковылял к деревьям – спрятаться в тени.

Ну что ей оставалось делать?! Кляня себя всеми известными клятвами, Даш подъехала и распахнула дверь:

– Быстро!

Он не заставил повторять дважды, проворно и привычно уже забился под заднее сиденье, только дышал тяжело. Пока троица выскочила на светлый перекресток, Даша успела отъехать, и теперь катила себе, вроде не при чем.

– Я тебе машину кровью испачкал, – прохрипел бомж.

– Сам испачкал, сам отмоешь.

Вот так вот! Она решила больше не бояться. Ну не походил этот человек на спившегося бродягу.

Когда вокруг тебя в течение двух лет говорят почти исключительно на русском матерном, начнешь разбирать нюансы. Нормальная лексика осталась в другой жизни. Там же остались люди, с которыми хотелось общаться не из меркантильных соображений или по работе – просто сидеть в углу и слушать, потому что интересно.

Центральная площадь городка распахнулась как дверь из

темного коридора в праздник. За каскадом неработающих зимой фонтанов стояли, опутанные гирляндами пальмы. По ним скакали разноцветные огоньки ярко и весело почти как летом. Даша свернула на мост, попетляла по запутанному серпантину ближней горки и, наконец, уперлась фарами в собственные ворота.

Машину она бросила во дворе, тащиться открывать сарай, загонять туда тойотку, закрывать, уже не осталось сил.

– Пойдемте.

– Чей это дом? – спросил бомж, выбравшись из машины.

– Мой.

– Впечатляет.

– Заткнитесь, умоляю. И еще: оставьте вашу фуфайку на улице. Воняет, знаете ли.

– Я бы и штаны оставил, да как-то оно не комильфо.

– Не забудьте подмести двор перьями шляпы.

Человека сильно качнуло. Он схватился рукой за стену.

– Я бы посидел с вашего позволения.

Но фуфайку сбросил и шагнул за Дашей в тускло освещенную прихожую. Большая часть вони осталась на улице, однако, и той, что он привнес, хватало.

Было бы идеально, оставить его в сарае. Там когда-то гнездились строители. Даша поставила им печку буржуйку. Га-старбайтеры кайфовали и просились на постой до конца зимы. Но выкинуть спасенного – как ни крути – человека на холод она уже не могла. Оставался еще цокольный этаж. Да-

ша просидела в нем всю прошлую зиму, обогреваясь надеждами и самопальной газовой печкой. Этой зимой она ее вообще не включала. В цоколе было не холодно, но и жилой атмосферу не назовешь.

– Тут лестница. Подняться сможете?

– Мы как будто уже перешли на ты.

– Вам показалось.

Дома было тепло. Только стянув куртку, Даша поняла насколько устала. Хотелось лечь и не шевелиться. Со дна мутными завихрениями поползла злость. За каким льдом она вообще ввязалась? Дура – дура и есть. Притащила в дом неизвестно кого...

Он все же сел. Не нашел ничего подходящего и опустился прямо на пол у двери. Кровь уже не бежала. На виске справа запеклась толстая черная корка. Узкое изможденное лицо неожиданно сдавало в благородную аскезу. Над тонким с горбинкой носом сошлись темные брови. Губы он сжал, глаза прикрыл.

– Сейчас. Посажу...

– Сидите. Я принесу аптечку. Вас в больницу надо было, да сегодня дежурит... у нее муж с полицией связан. Я так поняла, лишние участники в вашей судьбе вам не нужны.

– Угу, – мыкнул сквозь зубы бомж и открыл глаза.

Ничего от мутного безразличия к себе и окружающим, которые отличали эту социальную породу. Даша встретила серый, очень светлый, внимательный взгляд. Боль и усталость

присутствовали, конечно – куда же без них – но и нормальный человеческий интерес тоже.

Дома нашлось все необходимое. Даша вообще-то держала аптечку не только для собственных нужд. Ее выезды на спасение утопающих в запое требовали широчайшей медподготовки. Даже малый хирургический набор имелся.

На виске оказалась всего-навсего широкая плоская ссадина. Но крови набежало все же очень много.

– Идите в душ. Смойте кровь. Не бойтесь, мылом помойте. Я потом обработаю.

– Что, и горячая вода есть?

– Спуститесь в цокольный этаж. – Ее соцкорректности не хватило на то чтобы предоставить свою собственную ванную. А в цоколе хоть и прохладно, но горячая вода в душевой таки имелась. – Вот полотенце.

Даша пошла в спальню, наконец-то разделась, наскоро приняла душ, натянула слаксы, свитер и теплые толстые носки, в которых так уютно зимой.

А тот все плескался. Из-под пола доносился звук льющейся воды. Даша вспомнила, как бомж в санпропускнике драл себя ногтями, и чуть не застонала, осознавая масштабы собственной неосмотрительности.

В камине горкой лежали короткие поленца. Его уже с месяц не топили, дрова успели просохнуть до звона.

А собственно, почему бы и нет? Не друг и не враг Митяй подарил ей недавно специальные каминные спички. Кусоч-

ки старой газеты пошли на растопку. Камин делал неплохой мастер. Повода ругаться и оттирать копоть, пока не случилось. Заполыхало быстро и весело.

Осталось, плюхнуться в кресло... нет, еще кофе со сливками.

М-м-м... наслаждение на грани с нирваной. Что такое нирвана Даша смутно себе представляла, Что такое прана вообще – нет. В той жизни руки до энциклопедии не доходили. В этой – стало не до того. И, тем не менее, она решила, что забравшись с ногами в кресло, да еще и с огромной кружкой, в которой сливок было больше чем кофе, она получила нирвану и прану в одном флаконе. Даже собственное идиотское поведение перестало доставать занозой. Сегодня она так и быть приютит погорельца, а завтра выпроводит ко всем чертям.

Скрипнула дверь. Человек осторожно, как по болоту, сделал несколько шагов и остановился.

– Полы с подогревом! Свезло мне, так свезло!

Влажное полотенце он намотал на бедра. Благо Даша догадалась выдать большое пляжное. Он оказался не столько худ, сколь жилист. Кожа чистая. Очень чистая. Никаких расчесов. Даша профессионально отметила отсутствие следов от фурункулеза. У бомжей они имелись практически всегда. Или действительно дебютант?

– Не возражаете, если я устроюсь на коврике у камина? Хотя могу и просто на полу.

– Садитесь на стул, я рану промою.

– Может все таки на ты?

– Для бомжа вы ведете себя непозволительно нагло. Настоящий бомж себе такого просто не может позволить.

– Это вы нас плохо знаете. Бродяги народ нахальный. Иначе не проживешь.

– Возможно, между собой, но не с людьми иной социальной среды. Вы сядете или нет!?

– Может не надо? Все и так неплохо.

– Если сейчас не обработать, завтра начнется воспаление.

И загремите вы в больницу с менингитом.

– Ладно, пугать-то. Уже сел. Мажьте.

– Чем это вас? – Даша обработала ссадину перекисью, промокнула и приготовилась смазать йодопионом.

– Вот только пыток не надо, – отшатнулся раненый.

– Это не больно, пациент, это всего лишь страшно.

– Не надо сказок, леди. Мне мама в детстве коленки мазала, до сих пор помню.

– Успокойтесь. Это не йод.

– А на вид точ в точ.

– Водка от воды тоже на вид не отличается.

– Если что, я заору. А достали меня куском арматуры. Наука впредь. Неча красотами любоваться. Варезку раззявил и получил. Хорошо, ребята тяжелые попались, я от них в переулках оторвался. Не любят у вас чужих.

– Здесь и своих любят с большим разбором.

Завязывать или заклеивать ссадину Даша не стала. Так быстрее подсохнет.

Хм, и правда не больно. А теперь мне можно на коврик?

– Видите диван в углу? Идите туда.

– Я бы с радостью, но боюсь, не дотяну до посадочных огней.

Самое время было вскипеть и указать гостю его место, но по тому, как он сполз со стула, стало понятно – действительно едва держался.

– Голова кружится...

Он уже совсем побелел. Лицо покрылось мелкими капельками пота. Дышал шумно, сквозь стиснутые зубы.

И тут Даше в голову пришла неожиданная мысль: не исключено, что ее гость просто давно не ел. Иначе, откуда такая реакция на царапину. Или все же сотрясение? В любом случае чай был ко времени и к обстоятельствам.

На кухне она наболтала в кружку много, много сахара и выжала пол-лимона.

– Пейте.

– Вы из милосердия решили меня отравить, чтобы не мучился?

– Щаз! А труп я куда дену?

– Скажете: враги подкинули.

– Пейте. Я бы и поесть вам дала, да боюсь, начнется рвота.

– Я сам боюсь.

Он сел, опираясь на подрагивающие руки, и вцепился в

кружку.

– У! Кайф. Сказка! Прекрасная принцесса спасает бедного, но тоже прекрасного рыцаря...

– Зачем столько цитат?

– Не обращайтесь внимание. Это своего рода тест. Дурак не поймет, умный откликнется обязательно. Как-то укоренилось, уже давно. Наверное, выглядит по-идиотски. Особенно в моем положении.

– Голый у камина, голова обвязана, кровь на рукаве..., – против воли подыграла Даша.

– Еще чаю, гарсон. Если можно в ведре.

– Хорошо, но только после того как я узнаю, какое отношение вы имеете к трупам, обнаруженным сегодня недалеко от того места, где мы встретились, – выпалила она и напряглась.

История с трупами всплыла в памяти внезапно. О них как-то подзабылось, да вдруг вспомнилось. По спине опять побежали адреналиновые мурашки. Приютила, называется, бедного незнакомца – привела убийцу в дом!

– Никакого, – просто отозвался гость. – Говорят, трупы старые. Их почти начисто шакалы растаскали.

– Кто говорит?

– Мои бывшие сотоварищи. Они собственно и нашли те скелеты. А я, пользуясь замешательством нашего доброго хозяина, решил рвануть на волю. Как видите успешно.

Мужчина немного порозовел, глаза заблестели.

– Давайте кружку, я вам еще чаю принесу.

На кухне Даша спешно соорудила бутер из остатков колбасы. В холодильнике одиноко каталось последнее яйцо. Но магазин находился практически рядом. Сбегать утром – две минуты.

Уже на полпути к гостиной она споткнулась, а потом и вообще остановилась. Оказывается эта нелепая и опасная ситуация ей нравилась. Не должна была ни в коем случае, а как-то так получалось. Даше, уже не хотелось побыстрее спроводить гостя восвояси. Хотелось наоборот, чтобы сидел у камина, поправлял полотенце и разговаривал так, как с ней давно никто не говорил.

Но это было бы уже катастрофическим понижением планки. Отчетливая как едкая отрыжка мысль, что она скатилась до уровня бомжа, отравила настрой.

Кто-то сказал, что одиночество, это когда радуешься письмам спамеров. Даша эту стадию прошла уже давно. И – тем не менее, тем не менее...

– Возьмите, – она резко, даже грубо сунула подносик с чаем и бутербродом гостю. – Ешьте и отправляйтесь спать.

Глава 2

В сознание Артем пришел внезапно, рывком. Только что вовне и внутри существовала исключительно слоистая темнота. И сразу – боль, холод, давление, вонь и страх, вернее, ужас от четкого понимания, что его заживо похоронили. Открыть удалось только один глаз. Второй залепила клейкая жижа. С некоторым удивлением Артем отметил наличие света. Воздуха в общем тоже пока хватало.

Но следом за радостью, что пока жив, накатила жуткая истерика. Он заорал, срывая связки, начал дергаться, обдирая кожу о камни.

К тому времени, когда истерика сама собой выдохлась, стало ясно, что самостоятельно ему не выбраться. Кроме камней, которые лежали тонким слоем, пропуская свет и воздух, на Артема давило мертвое тело Махмуда. Сдвинуть его или выползти из-под двойной тяжести, не получалось.

Накатила тошнота. Артем сообразил, что надо успокоиться. Еще чуть-чуть и он начнет терять сознание. Не хватало, захлебнуться собственной рвотой.

На какой-то момент он все же отключился. Новое возвращение на этот свет принесло понимание того, что спасти его может только случайность. Места вокруг простирались малонаселенные. Другое дело, что летом, в сезон по прибреж-

ной зоне шныряло огромное количество диких отдыхающих, туристов, да просто парочек в поиске шалашного рая. Местные жители должны ходить в лес за грибами и ягодами. Или еще не сезон? В любом случае, единственным выходом осталось, слушать. Если вблизи проклянуться посторонние звуки, он позовет на помощь. Хорошо бы еще знать кто там. Возвращение убийц оказалось бы совершенно некстати.

Чтобы не сбрендить Артем начал поочередно напрягать мышцы на руках и ногах: левая нижняя, правая нижняя, правая верхняя, левая верхняя, шея, спина, грудь, и – по-новой. Кровь побежала быстрее. Засаднили раны и отдавленные места.

* * *

Что грядут неприятности, стало понятно уже давно. Или не так давно. Смотри с чем сравнивать. Полгода для цивилизации – мгновение, а для деловой жизни строительной компании – целая эпоха. Артем, собственно занимался не только строительством. Свой интерес у него был и в заправочном бизнесе и в производстве цемента. Его даже, кто в шутку, а кто и серьезно, называл олигархом. Но в стране, где еще недавно жигуленок считался роскошью, олигархами вдруг стали именовать тех, состояние которых выходило за рамки трехкомнатной квартиры, дачи и мерсюка. Хотя и бедным его назвать было нельзя. Работал, крутился, неоднократно

вступал в пререкания с законом, неоднократно же тот закон надирал и попирал. Но по мелочам. Игнорировать государство по-крупному Артем не столько опасался, сколько искренне не желал. Полагая себя честным в общем-то человеком.

– Куда мы поедем отдыхать?

– Ты поедешь одна.

– Почему?

– У меня дела.

– Что-то случилось?

Инна стояла у окна. Ее почти насквозь прошивали солнечные лучи. В прищур она казалась дымкой цветных пятен, в центре которой затаилась тень.

– Ничего.

Артем продолжал рассматривать жену сквозь ресницы. Цветные пятна немного сместились. Тень внутри стала гуще.

– Звонила Маринка Сургучева. Из ее намеков я толком ничего не поняла. Что-то про неприятности у тебя на работе...

– Твоя Маринка сплетница и интриганка. Она постоянно ищет точку приложения своей нерастроченной энергии, иначе ухнет в депрессию. Еще она ищет жертву. Кто-то в ее окружении обязательно должен быть несчастным, разоряться, болеть, умирать. Маринке легче, когда другим плохо. В такой извращенной форме она пестует свой эгоцентризм. Я,

кажется, предупреждал, чтобы ты с ней поменьше общалась.

– Она пригласила меня на спектакль. Они идут с Кости-ком.

– Значит я прав. Зачем иначе тащить тебя в детский театр.

– Может быть ей одиноко? Ты ведь не знаешь. Ты вообще занимаешься только собой и своими делами. Откуда тебе знать моих подруг?

– И давно Маринка стала твоей подругой?

– Мы регулярно встречаемся.

– Ты мне не говорила.

– А тебя это интересует?

На данный момент Артема интересовал вопрос с цементным заводом. Кто-то целенаправленно давил на их бизнес со стороны. Как ни старались Артем и его аналитик выяснить истоки давления, так ничего и не нащупали. А прессинг становился с каждой неделей все сильнее. Надежный банк вдруг отказал в ссуде. Не то чтобы Артему было негде взять денег, но лишний раз напрягаться, не хотелось. Дело наконец-то обрело некоторую стабильность. И завод и строительная фирма работали без сбоев. С АЗС капало помаленьку. Чтобы не менять направление денежных ручейков, Артему и нужна была эта ссуда.

Цементному заводу требовалась небольшая реконструкция. С этим можно было бы не торопиться, но в дело внезапно вмешались городские власти. Какие-то непонятки возникли с землей. Артем уже давно все узаконил. Докумен-

ты в порядке. Скорее всего, дяди в муниципалитете решили немного попастись на его счет. Чем гонять по арбитражным судам, проще было откупиться. Артем через своих людей начал искать пути подхода к главному фигуранту. И попал в вакуум. С ним не стали разговаривать, а это значит, предстоял утомительный бег по большому кругу. Картину дополнил только вчера случившийся рейд пожарников, водоканальцев и сэсовцев. Они явились все вместе, прошерстили территорию завода с примыкающими закоулками и вынесли несовместимый с жизнью вердикт. Артему предписывалось, закрыть производство. Иначе, следующими визитерами могли стать омовцы.

Это уже не походило на рядовой административный наезд. Скорее – на спланированную акцию конкурентов. Но откуда дул ветер так и оставалось непонятным. Ехать в такой ситуации на отдых было бы опрометчиво. А вот отправить жену – самое время. Нечего ей путаться под ногами.

Инна появилась в его жизни десять лет назад. Тогда как раз все женились на моделях. Он и повелся. В то время еще хотелось соответствовать. Малиновый пиджак и слегка помятый не новый мерс являлись не средствами, а атрибутами.

Жалеть в общем особенно не пришлось. На пятнадцать лет моложе. Детей заводит не собиралась, в его дела не лезла и была по большому счету не обременительна. Шубы и украшения в расчет не принимались. В понимании Артема женщина без мелких запросов просто не имела права на су-

ществование. С Инной было удобно являться на официозные мероприятия. Она не отличалась большим умом, зато прекрасно вписывалась в общество других жен. Артем даже иногда ловил себя на мысли, что скучает, когда ее долго нет рядом. Пару раз случалась необходимость удалить всех близких из страны. Артем сравнительно легко пережил оба наката. Инна тогда даже, кажется, не догадалась, почему месяц отдыха в Испании растянулся на полгода. Родителей он перевез в Чехию. Они сначала брюзжали и жалились на отсутствие общения, потом сошлись с тамошними русскими и жили теперь в полном удовольствии. Их жизнь Артем автономизировал и обеспечил. Что бы ни случилось, за родителями волноваться не приходилось.

В постели с ней было тоже неплохо. Во всяком случае – не хуже чем с другими. Эти другие периодически появлялись и исчезали, как только начинали заявлять претензии на его личность и наличность.

– Выбери, куда поедешь. Я все оплачу.

– Но я хочу, чтобы мы поехали вместе, – цветное пятно надвинулось. Пришлось открывать глаза.

Из волны розового с голубым шелка выступали идеальные плечи и высокая гладкая шея. Маленькая головка откинулась под тяжестью заколотых на затылке волос. Инна без сомнения была красива. И она его необъяснимо раздражала.

– С чего вдруг такое желание?

Артем старался говорить спокойно, но негатив все же про-

рвался.

– Мне надоело быть только красивой куклой, – вскрикнула жена. – Это ты можешь понять? Я не живу, я только существую. Мне даже не позволено знать, что такого важного происходит в твоей жизни. Ты меня в нее не пускаешь.

– А в чьей жизни, скажи, пожалуйста, ты присутствуешь? Иван Иваныча с третьего этажа?

– Какого Иван Иваныча?

– Это я – так, к примеру. Послушай, мне твои песни кажутся до ужаса странными. Инна, что происходит?

– Мне одиноко. Я кажусь себе лишней. Тебе нет до меня никакого дела.

– Я буду занят в ближайшее время. Но тебя это не касается и касаться не может. Поезжай отдыхать. Тебе никто не говорил, что депрессия это болезнь богатых баб? Вот и подлечись.

– Я не поеду!

Инна развернулась и пошла, почти побежала к двери. Каскад розово-голубого шелка заколыхался ровными волнами в такт шагам. Это оказалось так красиво, что Артем позвал:

– Стой! Иди сюда.

Инна постояла немного и покорно вернулась к его креслу.

– Теперь иди.

– Что?!

– Все! Иди.

– Ублюдок!

* * *

В дверь стучали. Даша уже поняла это. Проснулась и сразу поняла. Но остатки сна еще витали. Она подняла руку. Только что приснилось, что ей в палец вцепилась золотая рыбка. Вернее не рыбка или не совсем рыбка. Это была собачка. Но с плавниками. Даша во сне попыталась ее стряхнуть, однако, у кистеперой собачки оказалась крепкая хватка.

Стук повторился. Домогаться ее в такую рань мог только вчерашний погорелец. Сделала доброе дело на свою голову! Если он спросит, как пройти в библиотеку, Даша его убьет. Лезть из-под одеяла не хотелось до слез. Она поставила ноги на пол, потом опять втянула их в тепло. Сегодня воскресенье, это она отлично помнила. Будить ее в такой день ни свет ни заря было равносильно надругательству.

– Кто-то пришел, – донеслось из-за двери. – Ломится в ворота.

Спальня выходила окнами на море. Двор отсюда не просматривался и не прослушивался. Знакомые перед визитом обычно звонили. Значит, пришел кто-то посторонний. Не хватало, чтобы в ее доме застали чужого, хуже того – подозрительного человека.

Вставать таки пришлось. Дарья натянула теплый халат, сунула ноги с тапочки и пошаркала открывать. Дверь в спальню на ночь она заперла на задвижку. Металл противно за-

скрипел. За дверь стоял вчерашний гость. Половина лица распухла. Другая половина полыхала. У «погорельца», как и следовало ожидать, подскочила температура.

В цоколе надрывался звонок. Ранний визитер давил на кнопку без перерывов. Даша чуть не взвыла. Обидно стало, что выдернули из такого забавного сна. Действительность с утра и так редко радовала, а тут уж совсем намечался триндец.

Даша побрела к двери в цокольный этаж, спустилась, пугаясь в полах теплого халата, быстро просеменила по дорожке к воротам и раздраженно потребовала:

– Кто там?

– Участковый.

– Что надо?

Дарья не собиралась изображать вежливость. Денис Петрович Волчков был исключительным ворюгой и подлецом. С самого ее поселения он многократно по мелочам ей гадил и успокоился совсем недавно. Положение Дарьи на новом месте только-только начало выправляться. Соседи за свою ее не держали, но хотя бы стали здороваться. А между прочим она почти всех уже успела полечить, и не отказывала, если среди ночи они являлись с просьбой о помощи.

– Откройте, – потребовал участковый.

– Ну, открыла.

Дарья не собиралась пускать его во двор. Калитку распахнула и встала в проеме.

– Посторонние в доме есть? – выхлоп у Дениски отдавал вчерашним пойлом, физиономия отсвечивала синюшным румянцем.

– Какие посторонние?

– Отвечайте, – участковый сделал еще более зверское лицо, но ломиться в открытые ворота пока не стал.

Дарья еще не до конца проснулась. Была бы в полном сознании, не исключено засмущалась бы, потеряла преимущество и испортила все дело.

– Ордер на обыск! – рывкнула она в рожу Денису Петровичу. – Нет ордера? До свидания. Я завтра приду к вам в участок и напишу заявление, что вы вломились в мой дом без всяких на то причин.

– Никто к вам не вламывался. Я спрашиваю, посторонние в доме есть? – участковый резко сбавил тон, но слезливые глазки продолжал пучить.

– Нет!

Даша захлопнула перед стражем порядка калитку, обошла машину, решая, стоит ее отгонять в сарай или фиг с ним, вспомнила про постояльца, ругнулась про себя с привлечением недавно усвоенных терминов и пошла в дом. Холод уже заполз под стеганый халат. Лопатки сами собой сошлись ознобной судорогой, подогнулись пальцы на ногах.

Она тщательно заперла за собой дверь, но когда вошла в холл, «погорельца» не обнаружила. Диван пустовал. Вместе с человеком исчезли постельные принадлежности. В доме

вообще никаких следов пребывания постороннего не просматривалось. Даша побежала в свою спальню. Тут все оставалось на месте.

Гость испарился. Появилось желание заглянуть в сумку. Даша себя одернула. Человек с высокой температурой, и без одежды, между прочим, вряд ли сбежит из дома, откуда его по большому счету не гонят.

Нашелся он в цоколе. Забрался в кладовую и сидел, завернувшись в одеяло. В душевой, куда Даша заглянула мимоходом, на сушилке для полотенец висела его одежда. Товарищ, оказывается, вчера постирался. У, молодец, какой!

Она ничего не могла поделать с раздражением. С одной стороны этот человек был ей интересен. Ну, как мог быть интересен, например, марсианин, – окоротила себя Дарья. Но с детства впитанная аксиома: « есть они, а есть мы » требовала, избавиться от него, как можно скорее.

– Там не меня случаем спрашивали? – прохрипел гость, подняв к ней сильно пострашневшее за ночь лицо. Даша не ошиблась, мужчину трепал сильнейший жар.

– Идите наверх. И не вставайте без особой надобности. Если вы навернетесь на лестнице, там и будете лежать. Мне вас не дотащить.

– Йес, мэм. Только штаны натяну.

То, что он назвал штанами, больше походило на обрывки долго используемой половой тряпки. К тому же, Даша не была уверена, что одежда после стирки избавилась от вони.

– Я вам найду что-нибудь. Идите и ложитесь.

В нижнем ящике комода валялся старый спортивный костюм. Рядом в нарядном пакете лежал новый. Дарья натянула его, прихватила старый и вышла к гостю.

– Наденьте пока это.

– Мы идем на пробежку?

Гад! Он еще и шутит.

– Вы остаетесь. А я иду в магазин. Дверь никому...

– Водки купите.

Лежа на диване с закрытыми глазами и распухшим синеватым лицом, он напоминал труп. Но Дашу доканал тон.

– Харя треснет!

Ее буквально вынесло на улицу. И всю дорогу до магазина она клялась себе, что накормит постояльца, уколет жаропонижающее и выкинет за дверь.

В магазине за прилавком сутулой горой громоздился сам хозяин.

– Здравствуйте, – Даша старалась поддерживать ровные отношения со всеми соседями.

– Здравствуй, – гулким эхом донеслось от прилавка.

– Хлеб есть?

– Тебе повезло. Со вчерашнего одна булка осталась.

– А молоко?

– И молоко есть.

Действительно повезло. Обычно в микроскопическом магазинчике не было ничего кроме чипсов, одинаково невкус-

ных конфет «Каркунов» в разномастных коробках и пива. Более или менее съедобные продукты уходили влет.

В холодильнике наскреблось еще кое-что. Даша загрузила покупки в сумку и начала отсчитывать деньги.

– Слышала? – дядя Петя поднял монументально отечное не лишенное, однако, былой приятности лицо.

– Что?

– Трупы нашли в лесу.

– А, это. Слышала.

– Участковый с утра по поселку бегает, свидетелей ищет.

– И как успехи? – главное, чтобы тон оставался нейтральным. Вроде про картошку рассуждаем.

– Да какие успехи! Кто говорит, их вчера постреляли, а кто – будто они там уже год лежат. Зато Денис сейчас во все дыры нос засунет под видом расследования. У тебя был?

– Был. Спрашивал про посторонних.

– О! и у нас был. Только в холодильник не залез.

– А что это вы сегодня сами за прилавком? – перевела Даша разговор на безопасную тему.

– В Татьяновке дорога обледенела. Ленка выехать не может.

– А у нас, вроде тепло.

– И у нас завтра похолодает.

Татьяновка находилась выше в горах. Не очень верилось, что завтра и тут дороги станут непроезжими, но дядя Петя, являясь урожденным старожилом, в прогнозах обычно

не ошибался и что самое поразительное – никогда не врал. Правда, пил по-черному.

Одолев подъем, запыхавшись и даже слегка устав, Даша успокоилась. Участковый приходил не именно к ней, он вообще приходил, а значит, в неблагонадежные ее пока не записали.

Вот так вот живешь можно сказать исключительно правильной жизнью, и буквально на ровном месте тебя подводит под монастырь собственная доброта. Доброта! И только! Еще врачебный долг. Клятву Гиппократата, как никак, давала.

Интересно, что бы делала другая женщина, не медик, случись ей спасти такого неудобного утопающего? Наверное, поила бы чаем и ставила припарки. Еще – но-шпа. У местного обывателя она шла в ход при практических всех состояниях от поноса до клинической смерти. И что самое интересное: они в конце концов выздоравливали.

Свезло товарищу, так свезло, что попал в нормальные медицинские руки.

А товарищ между тем лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Покорно вытянул руку из-под одеяла и заработал кулаком, пока Даша искала вену. Пакет с раствором она пристроила на рогатую вешалку, которую притащила из цоколя.

– Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – проскрипел потерпевший, когда глюкоза потекла по трубочке в пораженный организм.

– Я врач.

– Угу.

И больше ни слова. Замер. Даже дыхание стало не таким шумным.

Следующие три часа Дарья меняла растворы, делала уколы и поила больного разболтанным в воде порошком. К концу лечения вид у него стал чуть получше. Глаза уже не проваливались в серые веки. Лицо вообще разгладилось. Он перестал непрерывно облизывать потрескавшиеся губы. Он просто заснул.

А Даша пошла к себе и занялась естественным воскресным делом – приведением в порядок собственной внешности: подпилить, подстричь, подбрить и выщипать, намазать, отпарить, отскоблить... никаких поблажек она себе не позволяла. Не занимайся собой, вообще превратишься в неухоженную особь не только без пола, но и без возраста.

Краситься она не стала, подсушила волосы и переделалась в домашнее платье. За утренними хлопотами как-то позабылось о завтраке. Ничего страшного. Лишние килограммы уже не взывали, вопили, выпирая и нависая. Одежду на следующий размер она пока не сменила, хоть старая уже плотно облегалась фигуру, обрисовывая складки и целлюлитные выпуклости.

Больной сидел на диване. Спортивные штаны он успел натянуть и закатать. Рубашку держал на коленях и вяло перебирал, решая, надевать или нет. Даша сообразила, что одежда ему элементарно мала. Оставив затею, гость поднялся и,

пошатываясь, двинулся в сторону двери в цоколь.

– Вы далеко собрались? – мирно спросила Даша.

– Руки помыть.

– Не стоит спускаться вниз. Тут тоже есть туалет.

– Вы уверены?

Он легко переходил от тыканья к церемонному вы. Но Даша решила держаться с ним холодно, как и прежде. Хотя уже был преодолен некий невидимый рубеж, отделяющий доктора Горчевскую от случайно попавшего в ее жизнь бомжа.

Быстрый обед состоял из поджаренной колбасы и макарон. Разводить готовку Даша не собиралась. Воскресенье дано человеку, чтобы отдышаться, отлежаться, отоспаться и почиститься, а совсем не за тем, чтобы тратить драгоценные часы на кухонную возню.

Мужчина не стал надевать рубашку, просто накинул ее на плечи и завязал спереди рукава. Двигался гость уже не так вяло. Его перестало шатать. Даша только сейчас рассмотрела, что его от природы пепельные волосы прошиты частой сединой, от чего сдавали в благородную платину. Слева под мышкой мелькнул длинный безобразный рубец.

– Вы так смотрите. Страшно, да? – гость усмехнулся одной половиной лица.

– Вы похожи на матроса с Летучего Голландца.

– Угу. Списанного на берег. Бич, между прочим, и означает береговой моряк. Может, познакомимся?

– Дарья.

–... Иван.

– Иванович Иванов?

– Вы потрясающе догадливы. Ну, тогда – Сергей.

– Пусть будет Сергей. А документы у вас какие-нибудь есть?

– Откуда?

– И как вы собирались уехать? На поезд без паспорта не содют. Без денег – тоже.

Даша говорила, а сама наблюдала, как Сергей привычно взял вилку в левую руку, а нож в правую.

Не простой бич, а хороших кровей. И врать о себе будет убедительно и красиво. Проще вообще не спрашивать.

– Мне соратники по рабскому труду подсказали пару приемов. Можно, оказывается, путешествовать через всю страну без гроша в кармане. Разумеется, лучше с билетом и бизнес классом. Но за неимением, таковых вполне подойдет – зайцем.

– А полиция?

– Тоже есть варианты.

Он ел понемногу. Проглатывал очередной кусочек и прислушивался. Даша отчетливо уловила момент, когда что-то пошло не так.

– Тошнит?

– К сожалению. Я пожалуй прилягу.

Когда он вставал и неуклюже разворачивался, опять мелькнул рубец под мышкой. Еще на спине – три ровные

темные полосы. Как будто его не так давно приложили дубинкой.

В ход пошло все то же безотказное народное средство – чай с лимоном, который Дарья дополнила церрукалом.

– Ты правда врач?

– Терапевт. Но могу и зашить и разрезать если надо. По мелочам, разумеется. А вы?

– Что я?

– Послушайте, не стоит закатывать глазки на каждый неудобный вопрос. Вам уже не так плохо. Не притворяйтесь. Не верю! Помните?

– Кто ж не помнит старика Станиславского. Но мы не в театре. Очень не хочется вам врать. За три месяца бомжевания вы первая, кто отнесся ко мне по-людски. Даже более чем. Я уже не ожидал, что встречу нормального человека. В южных широтах они вроде перевелись.

– Мне тоже так кажется. Я тут живу два года и никак не могу привыкнуть.

– Вы откуда?

– С Урала.

– А сюда, каким ветром?

– Бабушка наследство оставила.

– Этот дом?

– Тогда был только цоколь. Я два года...

Внизу затренькал звонок, сообщая, что еще кто-то решил навестить одинокую врачиху. Давно надо было провести до-

мофон и не бегать на каждый чох, но все упиралось в финансы.

– Куда спасаться в случае осады? – приподнялся с дивана Сергей.

– Некуда. Если это ко мне, я просто не пущу. Если за вами, все бесполезно. Начнут обыскивать дом. А у меня не предусмотрен бункер для беглых каторжников.

Даша не успела, как следует выйти, только приоткрыла дверь и тут же, получив сильный толчок, отлетела к стене. Мимо нее промчалась нелепая, расхристанная, воняющая перегаром фигура. Дверь ударилась в стену. Но ее грохот перекрыл рев:

– Где она?! Где Надька, сука!? Где Надька?!

В цоколе было темновато. К тому же на улице сильно запасмурнело. Небо заволокли темные, низкие тучи. Человек развернулся и пошел на Дашу. По контуру его фигуры развевались, похожие на клочья шерсти лохмотья, середина колыбалась как студень. Прекрасно понимая, кто перед ней, Даша, тем не менее, так испугалась, что на миг отнялись и ноги и язык.

Сосед Сашка по прозвищу Рваная Ноздря навис, надвинулся, заслонил без того ничтожный свет, и уже в полной темноте Даша почувствовала, как в нее вцепляются руки, ее отрывают от пола и куда-то несут...

Она завизжала так, что у самой заложило уши. Но жуть разом прекратилась. Сашка от неожиданности или под на-

пором децебелл уронил свою жертву. Даша кинулась вверх по лестнице.

Рваная Ноздря, к сожалению, очень быстро пришел в себя. Уже на верхней ступеньке Даша почувствовала, как чужие руки хватают воздух за спиной – возможности проскочить и запереть за собой дверь не осталось.

Она влетела в холл, кинулась к камину и схватила кочергу. Оружие оказалось декоративным. Помешать мелкие угольки ей бы удалось, обороняться от похмельного Сашки – отнюдь. А тот пер как бык на красное. Оттягивая неизбежное, Даша побежала в конец холла, развернулась и встала с кочергой на перевес.

Наверное, физические нагрузки, как то: перелезание через забор, бег по двору, борьба в цоколе и быстрый подъем по лестнице несколько прояснил сознание Ноздри. У камина он остановился, поглазел в черную топку и только после тщательного изучения ее содержимого пошел в сторону Даши.

– Надька где?

Да кто же это мог знать!? В периоды загулов супружница покидала Ноздрев дом и возвращалась только после естественного или медикаментозного восстановления суженого в уму. С чего Сашка решил, что его жена прячется у Даши, оставалось только гадать. А с другой стороны, странно, что он искал только Надьку, а не Наполеона с Ворошиловым, чтобы распить на троих.

– Где?... А!!! У-у-у!!! О!!!

Сашка вдруг нелепо замотал руками. Расстегнутые рукава рубахи и рваные полы стеганой жилетки пошли дикой волной. Он крутанулся на месте и кинулся через холл к лестнице. Снизу донесся скрежет насилуемой двери и последний, окончательный, сотрясший весь дом грохот. Сашка как налетел, так и испарился, словно злой дух.

Даша обернулась и опять чуть не завизжала. Прямо перед ее лицом замерла жуткая черная харя.

– Тихо, тихо. Я не хотел тебя пугать.

Сергей дергал за шнурок, пытаясь снять личину.

Черная африканская маска вообще-то мирно висела на стене уже с полгода. Даша ее купила из-за жуткой безобразности, в которой, однако, присутствовал некий гротеск, а из-под него уже проступала трогательная комичность. Местные, кому приходилось видеть маску, как правило, плевались, возмущенные таким выбором, а Дарье нравилось.

Маска наконец свалилась. Сергей завязал тесемки и повесил ее на место.

– Часто у тебя такое?

– Нет, – отозвалась Даша, постукивая зубами.

Для одного дня все-таки показалось многовато. А если считать со вчерашнего, количество потрясений превысило уже полугодовую норму.

– Как думаешь, он не вернется? – спросил Сергей.

– Может. Надо ворота...

На трясущихся ногах она кое-как дошла до ворот и уже собралась запереться на массивный засов, установленный еще светлой памяти Серафимой, как железная калитка распахнулась, чуть не приложив ее по носу. В воротах образовался участковый полицмейстер Волчков.

– Рваная Ноздря, то есть гражданин Сигарук только что выбежал отсюда и сообщил, что в вашем доме прячется негр.

– У него белая горячка, – кое-как промямлила Даша. Она вдруг вся обмякла. Спина сторбилась, свесились руки.

– Я обязан проверить! – Дениска, отодвинув хозяйку с дороги, ринулся к дому.

Ну и пусть, – решила Даша. Все, хватит! Она больше не может. Пусть найдут. Пусть все уже как-то кончится!

И потащила следом.

Не озаботившись осмотром первого этажа, представитель закона сразу проследовал на второй.

С утра Денис Петрович успел поправить здоровье. От него сдавало уже не только вчерашним, но и свежаком на старые дрожжи. Чем дольше он находился в теплом помещении, тем сильнее его развозило.

– Печку, значит, вчера топили, – продемонстрировал он чрезвычайную наблюдательность, так низко склонившись к топке, что голова чуть не перевесила.

– Топила.

– Может быть, сами покажете, где у вас скрывается лицо негритянской национальности?

– Вон там. Если плохо видно, могу включить свет.
Слабенькая подсветка делала маску еще рельефнее.

Даша оторопела: губы у Дениса Петровича сложились в совершенно идентичную гримасу.

– Это что? – выговорил он шепотом.

– Сувенир. Пьяный гражданин Сигарук увидел и испугался.

– Да тут не только пьяный, тут трезвый... вы это мне бросьте. Вы это уберите. Людей, понимаешь, пугать!

Но стоял как приклеенный, пялясь в слепые глаза африканского идола. Наконец оторвался, затравленно зыркнул по сторонам и чуть не бегом направился к выходу.

Ворота Даша заперла со всем возможным тщанием. Хотя какой от них прок? Ноздря вон перемахнул и не споткнулся. Но он шел на автопилоте, в состоянии аффекта, можно сказать.

Она по ходу прихватила вонючую бичевскую куртку, которая так и валялась у порога – на нее участковый как раз внимания не обратил – дотащила до сарайки и закинула внутрь.

Путь в тепло занял целую вечность. Дарья успела продрогнуть. Глаза слезились то ли от ветра, то ли от накапливающих слез.

Пусть бы они все провалились! Но, представив, что осталась на земле совершенно одна, Даша чуть не расплакалась по-настоящему. Месячные что ли скоро? Вроде нет. Просто

все плохо. И страшно. И тошно. Тусклый день, тусклые, пьяные всю бездельную зиму соседи, надвигающийся сезон, в который не увидишь ни моря, ни солнца. Будешь пахать, не поднимая головы, потому что количество пациентов на три летних месяца увеличивается в десять раз. И надо успеть заработать на всю зиму. Дома в цивилизованной уральской «глуши» она даже представить себе не могла, что можно устать до обмороков.

– Садись. – Сергей пододвинул к камину кресло. Пламя в топке уже скакало по щепочкам, из-за экрана накатывали волны тепла. – Я чайник поставил. Тебе пора устраивать реанимацию.

Она не собиралась плакать. Само полилось. Но не скрючилась, не затряслась в спазмах, так и сидела с прямой спиной. Слезы не катились по щекам – бежали широкими дорожками. Потом в руках оказалась ее любимая утренняя чашка из тонкого до прозрачности фарфора.

Даша ее купила лет десять назад в антикварном магазине. Витюша, помнится, тогда долгое время пребывал вне себя от ее транжирства. За паршивую чайную пару жена заплатила столько же, сколько стоил сервиз из темного небьющегося стекла. У соседей по подъезду уже имелся такой. А у них – вот! – чашка с блюдцем.

Зато, какое было наслаждение каждое утро брать в руки изысканно легкий, почти прозрачный, белый с неуловимым розоватым бликом фарфор, в котором даже банальный чай

из соседней лавки имел более тонкий аромат.

Даша обхватила пальцами теплые края с едва заметным рельефным узором.

– Спасибо.

Сергей стащил с дивана плед и прикрыл им Дашины ноги.

– Согрелась?

– Спасибо.

– Я рад.

– Чему?

Слезы уже перестали бежать, но ресницы слиплись. Изображение морщилось и расплывалось.

– Ну хотя бы тому, что мы наконец-то перешли на ты.

– Временно.

– Пусть. Даже если на полчаса – все равно приятно. Возможно, я тут на коврике прикорну?

– Ты как кот все время жмешься к теплу.

– Не поверишь, я за последние месяцы намерзся на десять лет вперед. Не знал, что на черноморском побережье можно от холода вульгарно дать дуба, как например в Амдырме.

– Там быстрее. Раз, и ты сосулька. Почти безболезненно.

– О, чувство юмора проклюнулось. Тебе чаю добавить?

– Я еще этот не выпила.

Даша нашарила в кармане платок и промокнула глаза. Ну, чего, спрашивается, разревелась? Вспомнила физиономию участкового и прыснула.

– По какому поводу веселье?

– Рожа у гражданина начальника точь-в-точь, – она кивнула в сторону маски, – будто в зеркало посмотрелся.

– Жаль, не пришлось, увидеть.

– Послушай... я так не могу. Расскажи, как ты тут оказался.

– Легко. Иду я вчера по дороге, смотрю, девушка под дождем загорает с домкратом наперевес. Пришлось оставить все свои дела и поспешать на помощь.

– А откуда ты шел?

– От... верблюда.

Плеснуть бы ему в рожу остатки чая! Но глянула в глаза и раздумала.

– Прости, – решил он после некоторого раздумья. – От того места, где мы вчера встретились, вниз будет такая уютенькая бухточка. Мини рай. С дороги не видно. Кругом лес и скалы. Пройти без дороги практически невозможно, разве, со специальным снаряжением. А тропочка одна. И она, заметь, охраняется. Там строится дом. Целый дворец. Еще есть пара барачков и кое-какая техника. В одном бараке проживает господин капо. Ты его вчера видела. Некто Борис Иванович Ключко. А в другом бараке – двенадцать очень разных человек. Документы у всех отобрали. Работа с восьми утра до восьми вечера. Кормежка два раза в день. От истощения не помрешь, но и не растолстеешь. По субботам – ящик водки. Но в воскресенье – опять на работу. За любую провинность били. За попытку побега били очень больно. Иногда

закрывали на сутки в подвале на стройке. Но не дольше – на фига нужен раб, который просто сидит? Несколько человек имели право выхода за территорию. Дрова в лесу собирали. Они вчера и натолкнулись на трупы. И нет чтобы господину капо доложить, я так понимаю, им кто-то из местных по дороге попался, они и разболтали.

– Может, специально, чтобы шум поднять?

– Не исключено. А Борис наш Иваныч вместо того, чтобы контингент в подвал согнать и запереть, охрану с дороги снял и отправил разведать что там и как. Вторая пара вертухаев еще с утра в город укатила. Народ и побежал. Не весь конечно, но пятеро рванули.

– А остальные?

– Документов нет, места тут не шибко гостеприимные, работы зимой нет. Опытный бомж в такой ситуации предпочтет отсидеться, а неопытные, вроде меня... я видел, как двоих поймали. Борис Иваныч лично возглавлял погоню.

– Интересно, – вслух подумала Даша, – Волчков по поселку бегает в связи с трупами или с вашим побегом?

– Одно другому не помеха. Хозяин должен быть или из местных, или тесно связан. А средства уже вложенные в стройку по самым скромным прикидкам выходят за миллион баксов.

– Не понятно. С такими бабками проще было нанять квалифицированных рабочих хоть из той же Турции.

– И привлечь к себе внимание.

– Ну а туда-то ты как попал?

– Понимаешь, сами мы не местные, кошелек у нас украли, ночевать негде... э, э! меня бить нельзя. Я безвредный.

– Хочешь послушать мою версию?

Даша почувствовала, как у нее начали раздуваться ноздри. Имелась такая особенность: в гневе некоторые лицевые мышцы начинали двигаться сами по себе.

– Давай, – согласился Сергей, но чуть отодвинулся.

– У тебя некоторое время назад тут случились разборки. Ты пострелял своих конкурентов, или наоборот компаньонов, но был застигнут на месте преступления тем самым Борис Ивановичем. Дядя заявлять на тебя не стал, наоборот, укрыл, работу дал, кормил.... а когда дело получило огласку, ты смылся, бросив благодетеля самостоятельно разбираться с полицией.

– Согласен, со стороны все может выглядеть именно так. И доказательств никаких. Ты можешь с чистой совестью сдать меня своему участковому. Либо пустят по официальной версии, либо отправят обратно вкалывать на свежем воздухе. Второе – скорее. Привязать меня к тем трупам невозможно. Я в ваших краях объявился четыре месяца назад, есть свидетели и даже официальный документ. А трупы почти что ископаемые. Они там гораздо раньше образовались.

– Какие свидетели? Какой документ?

– Меня на вокзале в Туапсе задержали, когда я только приехал. Тогда еще документы были при мне. Отпустили. Но в

каких-то протоколах я фигурирую. В них по билету время приезда отмечали.

– Получается, тебя похитили, заставляли работать, били, а ты, вырвавшись на свободу, даже не сделал попытки позвонить ну... домой, друзьям, жене. Тебя же должны искать.

– В том-то и беда, что искать меня не будут. Даша, давай, прервемся.

– Ну, хоть откуда ты?

– Есть такой известный каждому интеллигентному человеку в нашей стране город – Урюпинск. Слышала?

– А есть еще Мухосранск. А в Урюпинске я была. Там раньше стояла танковая дивизия. Мой двоюродный дядька генерал ей командовал. Могу сказать только одно: исключая моего дядьку и его жену, держать вилку в левой руке, а нож в правой умеют там от силы человека три. Да и на казака ты не похож.

– А там живут казаки? Не знал. Как ты сказала: Мухосранск? От него на северо-запад, как раз будет город, из которого я приехал. А причина... причина банальна: меня подставили.

Он как-то так это сказал... в тональности мелькнуло нечто, некий скорбный флер. Будто бойкое вранье превратилось в проникновенную легенду, как только автор поведал о себе страшную для себя самую правду.

– А у тебя дядька точно генерал?

– Он давно на пенсии. Меня к ним мама один раз на лето

отвозила. Я еще маленькая была.

– И как там, в Урюпинске?

– Пыльно.

Даша выбралась из кресла, отнесла, сполоснула и поставила в шкаф антикварную чашку, зашла в ванную и открыла кран. Все время пока набиралась вода, она просидела на бортике ванны. Разговор с Сергеем отравил что-то внутри. Расхотелось продолжать.

А что, – спросила она себя, – было бы лучше, окажись он замешанным в криминал? И вообще, ты непростительно распустилась. Разнюнилась. Два года жизни на периферии нормальных человеческих отношений, кажется, должны были закалить, нарастить шкуру, что бы никакие сантименты не пробивали. Есть жизнь, а есть книжки, в которых про нее все врут. Вот и живи себе: утром работа, вечером – бабский романчик в мягкой обложке. Все остальное – лишнее.

А по утра Даша проснулась, лязгая зубами. Пока лежала, закутавшись в пуховое одеяло, все казалось нормальным. Но стоило выбраться, моментально замерзли плечи и нос. С вечера она не стала добавлять отопление. За ночь в природе произошел отрицательный сдвиг. Сплошная серость за окном – что сверху, что снизу – сменилась тусклой белизной. И нешуточной стужей.

Сунув ноги в теплые тапочки и закутавшись в халат, она побежала в бойлерную. Гость спал, с головой накрывшись

одеялом. В довольно просторном холле было еще холоднее чем в спальне. И сыро. Стены не успели как следует просохнуть. От них несло сыростью.

Термометр на панели котла отопления показывал двадцать пять градусов. Вчера этого было вполне достаточно для комфорта, сегодня – только чтобы не замерзнуть. Не дрогнувшей рукой Даша перевела стрелку на цифру пятьдесят. Со счетом за газ в конце месяца она рисковала вылететь в трубу, но мерзнуть, кутаться в три кофты и греть руки о чашку с чаем, как в прошлом году – больше не собиралась.

Весь предыдущий год прошел под очень большим и очень вопросительным знаком надежды. Достроит, не достроит, успеет сделать крышу, не успеет, проведет отопление, не проведет? Успела, достроила, провела. А свист в карманах – дело привычное. Она перетерпит трудные времена, как уже бывало, и заработает.

– Мне мерещится, или стало теплее? – спросил Сергей из одеяльного кокона.

– Угу. Вылезайте.

– Что за бортом?

– Зима.

Двор занесло. На газоне лежал пухлый сугроб. Дорожка напоминала блестящий поток замерзшего молока. К этому бы светопреставлению, да солнышка! Но в небе оставалось тускло, а над землей завывал ледяной ветер. Соседский банан, который еще вчера выстреливал из-за забора фонтан ли-

стве, исчез – замерз, сложил крылья в неравном бою с морозом.

– И чем это нам грозит? – поинтересовался гость, высывая из одеяла нос.

– Вам – ни чем. А мне пора на работу.

Даша нашла трубу и позвонила в регистратуру. Два вызова оказались рядом, на соседней улице, еще два – ближе к центру. Добраться туда по обледенелым горкам без посторонней помощи было невозможно. Хорошо, что у нее давно и прочно сложились отношения с МЧС. Шеф спасателей выслушал ее причитания, поговорил с ребятами и велел выходить. По вызовам она поедет на вездеходе.

За рулем сидела Ванек. Даша вскарабкалась на высокую обледенелую ступеньку, и почти ползком забралась в кабину. Ванька и не подумал помочь, дождался, пока Даша заберется, поржал над ее неловкостью и двинул машину на разворот.

– Злой ты, Ваня, – констатировала Дарья.

– Неа. Я справедливый. Ты бы видела, как я на твою горку пер. Все, думал, прындец, снесет к епоной матери. Еп – тыть! Держись!

Машина военного газона не поехала, а заскользила по крутой наклонной плоскости, помаленьку набирая скорость. Даша зажмурилась. Они точно разобьются. Высокий каменный забор впереди станет ее последним пристанищем.

Она до онемевших пальцев вцепилась в скобу на передней

панели, и, когда катастрофы не последовало, даже немного удивилась. Машина вырулила из узенького переулка на обледенелое, но уже присыпанное песочком шоссе.

– Боисся? – ехидно поинтересовался Ванек.

– Боюсь, – честно призналась Даша.

– Так отказалась бы. Ваши ни один сегодня на работу не вышел. Все по домам сидят. Ты одна у нас, мать, героиня.

– Мне никто не сказал... а теперь уже все равно.

– За что я тебя люблю, так это – за покладистость.

Даша постоянно и неизменно отказывала Ваньку во взаимности. Тот по началу удивлялся, а потом устроил из своих притязаний что-то вроде куриных гонок – не догоню, так согреюсь.

– Я тебя тоже люблю, – торопливо согласилась Даша. – Останови за поворотом. Подождешь?

– Если Палыч по авралу не погонит, дождусь. А, может, поедем ко мне? Банька, там... то, се...

– Тогда можешь не дожидаться. Дальше я как-нибудь сама.

– Ну шо ты сразу в бутылку лезешь? Я ж так – по-дружески.

Даша неловко совершила обратный маневр и свалилась на оледенелую дорожку.

– Не убилась? – донеслось из кабины счастливое ржание Ваньки.

– Да тебе-то что! – она кое-как встала на ноги, стисну-

ла зубы и посеменила на вызов. Побаливал ушибленный локоть. Ноги разъезжались.

Все коллеги, оказывается, дружно засели по домам. Она одна такая правильная. А на планерках, что ни понедельник заведующий отделением обязательно либо делал замечание, либо вообще выговор. Даша по началу отбрехивалась, потом сообразила, что это стиль руководства: найти козла – в данном случае козу – отпущения и демонстрировать свою власть. При том, что сам начальник являл пример туповатого, жадного, молодого карьериста. Будучи лет на семь моложе Дарьи, он не упускал случая указать ей кто в отделении хозяин, хотя толком ни кардиограммы ни рентгенограммы прочитать не мог.

Больной оказалась бабушка слегка за восемьдесят. Первым делом она сообщила Дарье, что вызывает милицию.

– А что у вас случилось?

– Это у вас случилось! – заорала глухая старушка. – Я когда врача вызвала? А вы когда пришли?

– На улице гололед, – попробовала успокоить ее Даша. – Добираться трудно.

– Я вам устрою! – Не сдавалась бывшая фронтовичка. – Я вам на работу напишу, чтобы вас пропесочили, как следует.

– Что у вас болит?! – тоже заорала Дарья.

– А ты на меня не кричи! Моду взяли, кричать. У меня все болит. Голова болит, ноги болят, спина болит...

Было бы странно, если бы у тебя ничего не болело, – про

себя огрызнулась Дарья, присела за стол и достала из сумки фонендоскоп, тонометр и книжечку рецептов. Даша выслушала еще вполне крепкое старушечье сердце и померила давление. Пациентка результатом оказалась недовольна и опять понесла медицину по кочкам. На крики из кухни вышел внук Валентины Макаровны. Он был ровно в два раза моложе бабки, и трезвым его Даша пока не видела.

– Че орешь? – спросил он бушующую родственницу, почесав грудь под синей линялой майкой. – Слышь, докторша, она таблетки от давления потеряла. Выпиши рецептик. И мне чего-нибудь.

– Ей – вот. – Дарья протянул заполненный бланк. – А вам в любом магазине без рецепта дадут.

– А-ха! – оценил шутку внучок.

Пока Валентина Макаровна рассматривала рецепт, Даша быстро оделась и пошла к выходу. На улице оказалось хорошо и звонко. После вонючей влажной духоты захотелось вдохнуть поглубже, чтобы выплюнуть потом грязный воздух.

– Ну, – спросил Ванек, – куда дальше?

– Улица Коммунальная. Залезем?

– Начало или конец?

– Дом номер три.

– В легкую.

По указанному адресу проживала вполне себе дама. Но врач понадобился не ей, а мужчине.

– Это мой брат. В гости приехал, а полис дома забыл, –

пояснила Раиса Карповна, потряхивая пережатой рыжей химией, – Вот мой полис. Лечите по нему.

– Так нельзя, – отказалась Даша. – Если нет медицинского полиса, давайте номер паспорта. Я потом по базе данных пробью.

– Нет, вы только на них посмотрите! – начала ни с того ни с сего возмущаться хозяйка, – моего полиса им мало. Так и скажите, что денег надо. Только и умеете, что бабки тянуть из людей.

– Рая, – позвал мужчина, присаживаясь в кровати, – она права.

Квадратные плечи, темная майка, коротко стриженная голова, крутой лоб и черные буравчатые глаза. Чисто выбритые щеки больного полыхали. На висках блестели капельки пота. Даша разглядела темные разводы на майке.

– Кашляете? – спросила она, проходя к пациенту, этому по крайней мере действительно нужна была помощь. – Снимите майку, я вас послушаю.

Все время пока Даша производила необходимые медицинские действия, Карповна буквально дышала ей в затылок.

– Доктор, – предупредил пациент, – я не переношу... – и назвал весьма экзотический препарат.

– Хорошо, я не стану вам его назначать. Тем более, в наших аптеках его скорее всего нет. Вот. Будете принимать по две таблетки четыре раза в день. А с завтрашнего дня еще

и это. Теплое питье, малина, мед. Дня три, думаю, и вы поправитесь.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Больной тяжело завозился, устраиваясь в постели, а Даша под гробовое молчание хозяйки дома оделась и вышла вон.

Ей стало противно. Весьма состоятельной Карповне, оказалось невмоготу заплатить врачу. Выпроводив доктора, дамочка, поди, в пляс пошла от радости, что так ловко вывернулась: и брата полечила, и деньги целы.

Плюнь, приказала себе Дарья, ты обязана помогать. Это – главное. Самое смешное, что такая мысль не была рисовкой. Доктор Горчевская действительно так считала. Когда пресовало начальство, когда хамили пациенты, когда ежемесячно снимала в банкомате зарплату, которая больше походила на оскорбление.

Она сегодня помогла по-настоящему больному человеку – уже хорошо.

– Закругляемся, – сообщил Ванек, как только Даша распахнула дверь кабины. – Палыч вызывает. В ауле кому-то рожать приспичило. Скорая не пройдет. А-то поехали с нами?

– Ню, ню, ню! У меня еще два вызова. Но рядом с домом. Обратно, откуда взял, увезешь?

– Забирайся быстрее, кабину выстудишь.

Неповоротливый газон задом выпятился из улицы Коммунальной, гулко развернулся и покатил в сторону дашиной

горки.

– Шо, Райка заболела? – поинтересовался Ванек.

– Брат. У такой... дамы и такой приличный родственник оказался.

– Да какой родственник! Бич! Она его осенью наняла на работу, и, гляди, прижился!

– А ты откуда знаешь?

– У меня сеструха рядом живет. Она все про всех знает. Никакой это не брат. Она его кормит, а он ей отработывает. Ха-ха! Смотри, врача вызвала. Об саму-то только поросят колотить.

Ванек был веселый, светловолосый, простецкий, хитроватый и, в общем-то, добрый. Он не пил, за что высоко ценился начальством, хозяйственно прибирал к рукам все, что плохо и даже не особенно плохо лежало, имел мастеровые ухватки... то есть являлся мечтой любой местной девицы от пятнадцати до пятидесяти. Гулял, конечно. Но, как говорят: не мыло – не сотрется.

– А может, я к тебе вечерком заскочу? – поймал он Дашу за руку на прощание.

– Я тебя умоляю! Сказано же, отвянь! Давай любить друг друга на расстоянии? Все. Пока. Мне работать надо.

– Подумай! – не обидевшись, прокричал ей в след водитель, сорвался с места и газанул на выезд.

Последние два вызова прошли под слаженное бухтение стариков на погоду, цены, и плохих врачей. Ничего нового.

Даша привычно выписывала рецепты и давала советы, которым никто не собирался следовать. Ну, в самом-то деле! Разве заставишь соседа Ивана Христофоровича, принимать два раза в день контрастный душ, или заниматься дыхательной гимнастикой? У дедка по имени Дядь Вань вообще было особое хобби: в летнюю погоду он с утра выкатывал со двора тачку и шел по местным помойкам. В, поселке не то что в больших городах, они не были распределены между бомжами. Дядь Вань в трех ближних кварталах был их единственным распорядителем и владельцем. Добычу он вываливал возле дома, а когда куча вырастала вровень с забором, несколько недель заботливо сортировал и раскладывал все, что накопилось по отдельным кучкам. От Даши он неизменно требовал таблетку от артрита. Нет таблетки? Да пошла ваша медицина! Только деньги брать умеете. При всем при том, что Даша ни гроша с него не брала и даже намеков никогда не делала. Что значит агитация и пропаганда! Насмотревшись телевизора, дед готов был обвинить ее во всех грехах вплоть до изъятия органов.

Даша быстро разобралась с обоими и побежала в магазин. Там она полюбовалась на пышные седые кудри дяди Пети, который, по-прежнему в одиночестве скучал за прилавком, подобрала остатки съестного с полок и уже за дверью поймала себя на мысли, что торопится домой. Перед глазами тут же встало красноватое широкое лицо Раисы Карповны – хваткой бабы, собственницы и скупердяйки – и крутолобая го-

лова ее примака с внимательными воспаленными черными, похожими на провалы в другую вселенную, глазами.

Подобрала, пригрела. Она его кормит, а он ее... ха-ха!

Даша постояла, сообразила, что готова разреваться, одернула себя и тяжело потащилась в горку, стараясь попадать ногами на чистые плешки асфальта, с которых выдуло снег. На самом верху уже начало подтаивать.

В прежней жизни бывали длительные морозные периоды. Однажды дней десять стояло ниже сорока. Но там мороз воспринимался как нечто естественное, неотъемлемое и обязательное. Здесь плевая по сути температура вгоняла в стресс, оказывается, не только разнеженных местных, но и ее. Вон и таять уже начало...

Нога подвернулась на ледяной корке, и Даша, махнув сумками как крыльями, рухнула носом вниз.

За калиткой ближнего забора раздалось скрипучее карканье с присвистом. Соседка высунула нос в щель и продолжала хихикать, пока Даша поднималась с четверенок и собирала, разлетевшиеся продукты.

– Морду разбила? – твякнула бабка напоследок и хлопнула дверью.

Всю оставшуюся до дома дорогу, все тридцать шагов, Даша, стискивала зубы до ломоты в скулах.

Ну, упала. Подумаешь. Подумаешь!!!

– У тебя кровь!

Сергей стоял за дверью. Наверное, спустился, как только

увидел ее в окно.

– Уйди! – сквозь зубы выдавила Даша. Звуки получились до странности похожими на скрежет железа по железу. Или они так отдавались в голове? – Уйди куда-нибудь с глаз. А лучше вообще!

– Хорошо, – холодно согласился Сергей. – Как только растает, я исчезну.

И, не оборачиваясь, удалился по лестнице. Дарья сначала прислонилась, а потом и вовсе сползла по стене. Ее колотило.

За что ее обижают? За что на нее сегодня наорали, оболгали и обвинили? Почему с таким удовольствием смеялась гадкая бабка?

Как хорошо было, пока в доме не появился посторонний человек. Можно было забиться в угол и плакать, да хоть выть в голос, пока не пройдет, и постепенно все забыть. Одной легче. Перед посторонними следует выглядеть. А ей не хочется! У нее просто нет на это сил.

– Ну-ка поднимайся.

Даша уже не тряслась. Просто сидела на полу с закрытыми глазами, смотрела во внутреннюю тьму.

– Вставай. Давай курточку снимем. Ты где поцарапалась? И коленку разбила. Скользко, да?

У нее не осталось резерва, чтобы его еще раз прогнать, заткнуть, выключить, чтобы не подходил, чтобы дал пережить внутренний раздрай.

– Пошли, пошли. Забирайся в ванну. Пока ты оттаешь, я поесть приготовлю.

Холл и распахнутая дверь ванной комнаты косо поехали в стороны. Слез не было. Случилось короткое, судорожное искажение пространства. Потом дверь приблизилась. Даша не сразу поняла, что она уже на пороге. Дверь закрылась. За спиной клацнула защелка. В ванне парила вода.

Одежда поползла на пол. Брюки на коленке прорвались. Край дыры испачкался кровью. Даша перешагнула через бортик и, не чувствуя боли, опустилась в воду.

И неподвижно лежала. Вода остывала, Дарья открывала кран, поджимала ноги и добавляла кипятка, пока не стало ясно, что беда миновала, кризис преодолен, сделался смешным недоразумением.

– О, живая. А я уже прикидывал, как буду объяснять полиции твое самоутопление в ванне.

– Не дождутся, – сварливо заявила, укутанная в халат и полотенце Дарья. – Еда где?

– На кухне. Ничего, что без крахмальных салфеток? Устриц тоже нет.

– Безобразие!

– Любишь гадов? В смысле морских?

– Терпеть не могу.

– А что ты любишь?

– Жареное мясо на косточке, сыр, виноград и красное вино.

В прошлой жизни Витюша гастрономические предпочтения жены считал чистым плебейством. Питаться следовало исключительно вегетарианской пищей, дополняя стол изысками японской кухни виде суши и сашими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.